

БИБЛИОТЕКА
РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Л.Н. АНДРЕЕВ

«ИСКУССТВО»

Леонид Николаевич Андреев
Анатэма
Серия «Пьесы»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148193
Леонид Андреев. Пьесы: Искусство; М.; 1989
ISBN 5-210-00396-5, 5-210-00397-3*

Аннотация

Премьера пьесы состоялась на сцене Московского Художественного театра 2 октября 1909 г. Режиссеры – Вл. И. Немирович-Данченко и В. В. Лужский. В роли Анатэмы – В. И. Качалов.

Постановка запрещена лично П. А. Столыпиным специальным циркуляром от 9 января 1910 г.

Содержание

Лица, участвующие в представлении	4
Первая картина	6
Вторая картина	18
Третья картина	41
Четвертая картина	69
Пятая картина	97
Шестая картина	119
Седьмая картина	140
Комментарии	147

Леонид Андреев
Анатэма
Трагическое
представление
в семи картинах

Лица, участвующие
в представлении

Некто, ограждающий входы.

Анатэма.

Давид Лейзер.

Сура, его жена.

Наум и Роза, их дети.

торговцы:

Иван Бескрайний

Сонка Цитрон

Пурикес

Учитель танцев.

Молодой господин.

Бледный господин.

бедняки:

Шарманщик

Странник

Абрам Хессин

Плачущая женщина

Женщина с ребенком

Пьяный

Девочка от Сонки

Дейбке

Музыканты, слепые и народ.

Первая картина

Сцена представляет собою пустынную, дикуую местность, как бы склон некоей горы, поднимающейся в беспредельную высь. В глубине сцены, на половине горы, стоят огромные, железные, наглухо закрытые врата, знаменующие собою предел умопостигаемого мира. За железными вратами, угнетающими землю своею неимоверной тяжестью, в безмолвии и тайне, обитает начало всякого бытия, Великий Разум вселенной.

У подножия врат, тяжко опершись на длинный меч, в полной неподвижности стоит Некто, ограждающий входы. Облаченный в широкие одежды, в неподвижности складок и изломов своих подобные камню, он скрывает лицо свое под темным покрывалом и сам являет собою величайшую тайну. Единый мыслимый, един он предстоит земле; стоящий на грани двух миров, он двойственен своим составом: по виду человек, по сущности он дух. Посредник двух миров, он словно щит огромный, собирающий все стрелы, – все взоры, все мольбы, все чаяния, укоры и хулы. Носитель двух начал, он облекает речь свою в безмолвие, подобное безмолвию самих железных врат, и в человеческое слово.

Среди камней, озираясь пугливо и дико, показывается Анатэма – так именуется Некто, преданный закланию. Припадая к серым камням, сам серый, осторожный и гибкий, как змея, отыскивающая нору, он тихо крадется к Некому, ограждающему входы, мечтая поразить его ударом неожиданным. Но сам пугается дерзости своей и, вскочив на ноги, смеется вызывающе и злобно. Затем присаживается на камне, с видом свободным и независимым, и бросает маленькие камешки к ногам Некого, ограждающего входы, – хитрый, он скрывает свой страх под личиной насмешки и легкой дерзости. При слабом свете, сером и бесцветном, голова преданного закланию кажется огромной: особенно велик его высокий куполообразный лоб, изрезанный морщинами бесплодных дум и неразрешимых, из века поставленных вопросов. Реденькая борода Анатэмы совершенно седа; побелены сединою и его волосы, некогда черные как смоль, теперь же серыми, дикими лохмами вздымающиеся на голове его. Беспокойный в движениях, он тщетно пытается скрыть вечно пожирающую его тревогу и торопливость, лишенную цели. И, соревнуя бессильно-гордой неподвижности Некого, ограждающего входы, он затихает на мгновение в позе гордого величия, но уже в следующую минуту, в мучительной погоне за веч-

но ускользящим, он мечется в безмолвных корчах, как червь под пятою. И в вопросах своих он быстр и яростен, как вихрь, черпающий силу и ярость в круговращении своем; но, увлекаая малые предметы, он распадается бессильно перед лицом молчания.

Анатэма. Ты все еще здесь на страже? А я думал, что ты ушел, – ведь и у цепной собаки есть минуты, когда она отдыхает или спит, хотя бы конурою служил ей целый мир, а господином – вечность! И разве боится воров вечность? Но не гневайся; как добрый друг пришел я к тебе и молю покорно: открой на мгновение тяжелые врата и дай заглянуть мне в вечность. Ты не смеешь? Но, быть может, разошлись от старости могучие врата, и в узенькую щель, никого не тревожа, сможет заглянуть несчастный, честный Анатэма – укажи ее знаком. Тихонько, на брюхе, я подползу, взгляну – и уползу обратно, и он не будет знать. А я буду знать и стану богом, стану богом, стану богом! Так давно уже мне хочется стать богом – и разве плохой бы я был бог? Смотри. *(Становится в надменную позу, но тотчас же хохочет. Затем спокойно, поджав ноги, у саживается на плоском камне и бросает игральные кости. Бормочет как бы про себя, но настолько громко, чтобы его слышал Некто, ограждающий входы.)* Не хочешь – не надо – драться я не

стану. Разве я за этим пришел сюда? Просто я гулял по миру и совершенно случайно забрел сюда, – мне нечего делать, и я гуляю. А вот теперь я сыграю в кости, – мне нечего делать, и я сыграю в кости. Будь бы не так важен он, я пригласил бы и его, – но он слишком горд, слишком горд и не понимает удовольствия игры.

Шесть, восемь, двадцать – верно. У дьявола всегда верно, даже когда он играет честно... Давид Лейзер... Давид Лейзер... *(Обращаясь к Некому, ограждающему входы, развязно.)* Ты не знаешь ли Давида Лейзера? Вероятно, нет. Это старый, больной и глупый еврей, которого никто не знает, и даже твой господин забыл о нем. Так говорит Давид Лейзер, и я не могу ему не верить: он глупый, но честный человек. Это его я выиграл сейчас в кости – ты видел: шесть, восемь, двадцать. Однажды на берегу моря я встретил Давида Лейзера, когда он допрашивал волны, о чем жалуются они; и он мне понравился. Глупый, но честный человек, и если его хорошенько просмолить и зажечь, то выйдет недурной факел для моего праздника. *(Болтая с притворной развязностью, тихонько перебирается на ближайший к Некому камень.)* Никто не знает Давида Лейзера, а я сделаю его славным, я сделаю его могущественным и великим – очень возможно, что даже бессмертным я сделаю его. Ты не веришь? Никто не верит мудрому Анатэме, даже говоря-

щему правду, – а кто же любит правду больше, нежели Анатэма? Не ты ли? Молчаливый пес, грабитель, укравший истину у мира, железом заградивший входы! *(Яростно бросается на Некогого, ограждающего входы, и с визгом ужаса и боли отступает перед грозной неподвижностью его. И ноет жалобно, припадая серой грудью к серому камню.)* Ах, у дьявола седые волосы! Плачьте, возлюбившие Анатэму, стелайте и горюйте, стремящиеся к истине, почитающие ум, – у Анатэмы седые волосы! Кто поможет сыну хари, – он одинок во вселенной. Зачем, великий, ты напугал так бесстрашного Анатэму – он не хотел тебя ударить, он только приблизиться хотел. Можно подойти к тебе, скажи? *(Некто, ограждающий входы, молчит, но Анатэме слышится что-то в его молчании. Вытянув змеиную шею, он кричит страстно.)* Громче, громче! Молчишь ты или говоришь, я не понимаю? У преданного заклятию тонкий слух, и в твоём молчании он улавливает тени каких-то слов; смутное движение мыслей он чувствует в неподвижности твоей – но он не понимает. Говоришь ты или молчишь? Сказал ли ты: «подойди», или мне только послышалось это?

Некто, ограждающий входы. Подойди.

Анатэма. Ты сказал. Но я не смею подойти.

Некто. Подойди.

Анатэма. Я боюсь! *(Нерешительно, зигзагообраз-*

ными движениями подбирается к Некому, ложится на брюхо и ползет, стелая от тоски и страха.) Ах, я князь тьмы, я мудрый, я сильный, и видишь, я ползу на брюхе, как собака. И это потому, что я люблю тебя и край твоих одежд поцеловать хочу. Но отчего же так болит мое старое сердце, скажи, всезнающий.

Некто, ограждающий входы. У преданного закланию нет сердца.

Анатэма (подвигаясь). Да, да, у преданного закланию нет сердца, его грудь нема и неподвижна, как серый камень, который не дышит. О, будь у Анатэмы сердце, ты давно убил бы его страданиями, как убиваешь глупого человека. Но у Анатэмы есть ум, ищущий правды, ничем не защищенный от твоих ударов, пощади его... Вот я у ног твоих, открой мне твоё лицо. Только на мгновение, короткое, как блеск молний, открой мне лицо твоё. *(Раболепно жметя у ног Некого, ограждающего входы, не смея, однако, коснуться его одежд. Тщетно старается опустить глаза, бегающие быстро, заглядывающие, острые, сверкающие, как угли под серым пеплом. Некто молчит, и Анатэма продолжает свои бесплодные и настойчивые мольбы.)* Не хочешь? Тогда назови мне имя того, кто за вратами. Тихим голосом назови его, и никто не услышит, и только я буду знать, мудрый Анатэма, тоскующий об истине. Не правда ли, что из семи букв

состоит оно? Или из шести? Или из одной? Скажи. Только одна буква – и ты спасешь преданного заклятию от вечных мук, и тебя благословит земля, которую раздираю я когтями. Зачем кричать? Ты скажешь тихо, тихо, только вздохнешь ты, и я уже пойму и благословлю тебя... Скажи.

(Некто молчит, и Анатэма после некоторого колебания, полного ярости, медленно отползает, с каждым шагом становясь все смелее.) Это неправда, что я люблю тебя... Это неправда, что я хотел поцеловать край твоих одежд...

Мне жаль тебя, если ты поверил: мне просто нечего делать, и я гуляю по миру... Мне нечего делать, и я расспрашиваю встречных о том о сем, о чем я знаю сам... Я знаю все! *(Встает, встряхивается, как собака, вылезшая из воды, и, выбрав камень повыше, становится на него в надменно-актерской позе.)* Я знаю все. Мудрый, я проник в смысл всех вещей, мне ведомы законы чисел, и книга судеб открыта мне. Единым взором я объемлю жизнь, я ось в кругу времен, вращающемся быстро. Я велик, я могуч, я бессмертен, и во власть мне отдан человек. Кто посмеет бороться с дьяволом? Сильных я убиваю, слабых я заставляю кружиться в пьяном танце – в безумном танце – в дьявольском танце! Я отравил все источники жизни, на всех ее путях устроил я засады, – разве не

доходит до тебя голос проклинающих? – изнемогающих под бременем зла? – дерзающих бесплодно? – тоскующих бесконечно и страшно?

Некто, ограждающий входы. Я слышу.

Анатэма (*хохочет*). Имя! Назови имя! Освети путь дьяволу и человеку.

Все в мире хочет добра – и не знает, где найти его, все в мире хочет жизни – и встречает только смерть. Имя! Назови имя добра, назови имя вечной жизни! Я жду.

Некто, ограждающий входы. Нет имени у того, о чем ты спрашиваешь, Анатэма. Нет числа, которым можно исчислить, нет меры, которою можно измерить, нет весов, которыми можно взвесить то, о чем ты спрашиваешь, Анатэма. Всякий, сказавший слово: любовь, – солгал. Всякий, сказавший слово: разум, – солгал. И даже тот, кто произнес имя: бог, – солгал ложью последней и страшной. Ибо нет числа – нет меры – нет весов – нет имени у того, о чем ты спрашиваешь, Анатэма.

Анатэма. Куда мне идти? Скажи.

Некто. Куда идешь.

Анатэма. Что мне делать? Скажи.

Некто. Что делаешь.

Анатэма. Безмолвием ты говоришь – пойму ли я язык безмолвия твоего?

Скажи.

Некто. Никогда. Мое лицо открыто-но ты его не видишь. Моя речь громка – но ты ее не слышишь. Мои веления ясны – но ты их не знаешь, Анатэма. И не увидишь никогда – и не услышишь никогда – и не узнаешь никогда, Анатэма – несчастный дух, бессмертный в числах, вечно живой в мере и весах, но еще не родившийся для жизни.

Анатэма (*терзаясь*). Никогда?

Некто. Никогда.

Анатэма соскакивает с камня и мечется безумно, пожираемый тоскою.

Припадая к камням, он обнимает их нежно и отталкивает с гневом; стенает горько. Обращает лицо свое к западу и востоку, северу и югу земли, потрясает руками, как бы призывая ее к гневу и мести. Но безмолвны серые камни, молчит запад и восток, молчит юг и север земли, и в грозной неподвижности, тяжело опершись на меч, стоит **Некто, ограждающий входы.**

Анатэма. Восстань, земля! Восстань, земля! И препояшься мечом, человек! Не будет мира между тобою и небом, жилищем мрака и смерти становится земля, и князь тьмы воцаряется над нею – отныне и навсегда. К тебе иду я, Давид. Твою печальную жизнь, как ка-

мень из пращи, метну я в гордое небо – и дрогнут основы высоких небес. Раб мой, Давид: твоими устами возведу я правду о судьбе человека. *(Обращается к Некому, ограждающему входы.)* А ты!.. *(Умолкает стыдливо, смущенный безмолвием. Потягивается лениво, как бы от скуки, и бормочет, но настолько громко, чтобы его слышал Некто.)* Впрочем, разве я не гуляю оттого, что мне нечего делать? Был здесь, а теперь пойду туда, – разве мало путей у веселого дьявола, любящего здоровый смех и беззаботную шутку. Шесть... это значит, что я приношу Давиду богатство, которого он не ждал. Восемь... это значит, что Давид Лейзер исцеляет больных и воскрешает мертвых. Двадцать – верно! Это значит... Это значит, что мы с Давидом приходим благодарить, с Давидом Лейзером... Я ухожу.

Анатэма удаляется.

Тишина. Безмолвны камни, безмолвны глухие врата, подавляющие землю безмерной тяжестью своею, безмолвен застывший, окаменевший страж. Тишина.

Но не шаги ли Анатэмы разбудили тревожное, гулкое эхо? Раз, два – идет кто-то тяжелый. Раз, два – грузно ступает кто-то тяжелый; шаг один, а

идуущих много; молчит идущий – а уже дрожит тишина и зыблется безмолвие.

Мгновение звуковой тревоги, бессилия и трепетных порывов. Сразу загорается безмолвие желтыми высокими огнями: то где-то внизу, в невидимой земной дали меднозвонким, бунтующим криком кричат длинные трубы, которые несут в высоко приподнятых руках: ибо к земле и небу обращен их призывный, мятежный вопль.

Раз, два – теперь уже ясно, что это движется толпа: ее чудовищный голос, ее слитно-раздельные вопли, шумливая и бурная речь; и на низинах ее, в лабиринте ломаных и темных переходов, зарождается первый, отчетливый звук, скорее слово, скорее имя: "Да-а-ви-и-ид". Вычерчивается резче, поднимается выше, и уже над головами плывет оно на крыльях медных воплей, на тяжких ударах переступающих ног.

– Да-а-ви-и-д. Да-а-ви-ид. Да-а-ви-и-д.

Сливается в аккорды. Становится песней миллионов.

Завывают трубы – звоном звенят медные, хрипом хрипят уставшие – зовут.

Слышит ли их Некто, ограждающий входы? Покрылись стонами серые камни – к ногам поднимаются страстные вопли – но неподвижен Страж, но

Безмолвен Страж, и немые железные врата. Грохочет бездна.

Единым ударом, раскалывающим землю, обрывается рев медный и крик – и из обломков, как ключ из скалы, разбитой молнией, выбивается нежная, певуче-светлая мелодия.

Смолкает.

Безмолвие. Неподвижность. И ожидание – и ожидание.

Занавес

Вторая картина

На юге, летний знойный полдень. Широкая дорога на выезде из большого людного города. Начинаясь от левого угла сцены, дорога наискось пересекает ее и в глубине круто заворачивает вправо. Два высоких, старинной постройки, каменных столба, оббитых и покосившихся, обозначают границу города. По эту сторону городской черты, у правого столба, заброшенная, старая, когда-то желтая караульня, с обвалившейся штукатуркой и наглухо забитыми окнами; по краям же дороги несколько маленьких, сколоченных из дрянного леса лавчонок, отделенных друг от друга узенькими проходами, – в отчаянной, бессильной борьбе за существование лавчонки бестолково налезают одна на другую.

Торгуют они всякою мелочью: леденцами, семечками, дрянною колбасой, селедками; у каждой небольшой грязный прилавок, сквозь который эффектно проходит труба с двумя кранами – из одного течет содовая вода, стакан стоит копейка, из другого – сельтерская. Одна из лавчонок принадлежит Давиду Лейзеру, остальные – греку Пурикесу, молодой еврейке Сонке Цитрон и русскому Ивану Бескрайнему, который, помимо торговли, чинит

также обувь и заливает калоши; он же единственный торгует «настоящим боярским» квасом.

Солнце жжет беспощадно, и несколько небольших деревьев со свернувшимися от жары листьями тоскуют о дожде; и безлюдно на пыльной дороге. За столбами, где дорога сворачивает вправо, высокий обрыв – куда-то вниз сбегают пыльные кроны редких деревьев. И, охватывая весь горизонт, дымно-синюю полосу раскинулось море и спит глубоко в зное и солнечном блеске. У своей лавчонки сидит Сура, жена Давида Лейзера, старая еврейка, измученная жизнью. Читает какие-то лохмотья и скучно переговаривается с другими торговцами.

Сура. Никто не покупает. Никто не пьет содовой воды, никто не покупает семечек и прекрасных леденцов, которые сами тают во рту.

Пурикес (как эхо). Никто не покупает.

Сура. Можно подумать, что все люди умерли только для того, чтобы ничего не покупать. Можно подумать, что во всем мире мы только одни с нашими магазинами – во всем мире только одни.

Пурикес (как эхо). Только одни.

Бескрайний. Солнце сожгло покупателей – одни торговцы остались.

Молчание. Слышен тихий плач Сонки.

Ты, Сонка, купила вчера курицу. Разве ты убила ко-

го-нибудь или ограбила, что можешь покупать кур? И если ты такая богатая и прячешь деньги, то зачем ты торгуешь и мешаешь нам жить? Пурикес (*как эхо*). Мешаешь нам жить.

Бескрайний. Сонка, я тебя спрашиваю – правда, что ты вчера купила курицу? Не лги, я знаю это от до-стоверных людей.

Сонка молчит и плачет.

Сура. Когда еврей покупает курицу, то или еврей болен, или курица больна. У Сонки Цитрон умирает сын; вчера он начал умирать и сегодня кончит – он живучий мальчик и умирает долго.

Бескрайний. Зачем же она пришла сюда, если у нее умирает сын?

Сура. Затем, что нужно торговать.

Пурикес. Нужно торговать.

Сонка плачет.

Сура. Вчера мы не кушали, ждали сегодняшнего дня, и сегодня мы не будем кушать в ожидании, что наступит завтра и принесет нам покупателей и счастье. Счастье! Кто знает, что такое счастье? Все люди равны перед богом, а один торгует на две копейки, другой же на тридцать. И один всегда на тридцать, а другой всегда на две, и никто не знает, за что дается счастье человеку.

Бескрайний. Прежде я торговал на тридцать, а те-

перь торгую на две.

Прежде у меня не было боярского кваса, теперь же есть боярский квас, а торгую я на две копейки. Счастье переменчиво.

Пурикес. Счастье переменчиво.

Сура. Вчера пришел сын мой Наум и спрашивает: «Мама, где отец?» И я ему сказала: «Зачем тебе знать, где отец? Давид Лейзер, твой отец, больной и несчастный человек, который скоро должен умереть; и он ходит на берег моря, чтобы в одиночестве беседовать с богом о своей судьбе. Не тревожь отца, он скоро должен умереть, – лучше мне скажи, что хочешь сказать». И так ответил Наум: «Так вот что я говорю тебе, мама, – я начинаю умирать, мама!»

Так ответил Наум. Когда же вернулся Давид Лейзер, мой старый муж, я сказала ему: «Ты все еще тверд в непорочности твоей? Похули бога и умри. Ибо уже начинает умирать сын твой Наум».

Сонка плачет сильнее.

Пурикес (*вдруг озирается испуганно*). А что... А что, если люди совсем перестанут покупать?

Сура (*пугаясь*). Как совсем?

Пурикес (*с возрастающим страхом*). Так, вдруг люди совсем перестанут покупать. Что же нам делать тогда?

Бескрайний (*тревожно*). Как это может быть, что-

бы люди совсем перестали покупать? Этого не может быть!

Сура. Этого не может быть.

Пурикес. Нет, может быть! Вдруг все перестанут покупать.

Все охвачены ужасом; даже Сонка перестала плакать и, бледная, озирает испуганными черными глазами пустынную дорогу. Беспощадно жжет солнце.

Вдали, на повороте, показывается Анатэма.

Сура. Покупатель!

Пурикес. Покупатель!

Сонка. Покупатель! *(Снова плачет.)*

Анатэма подходит ближе. На нем, несмотря на жару, черный сюртук из тонкого сукна, черный цилиндр, черные перчатки; только белеет галстук, придавая всему костюму вид торжественности и крайней благопристойности. Он высок ростом и, при седых волосах, строен и прям. Лицо преданного закланию серовато-смуглого цвета, очертаний строгих и по-своему красивых; когда Анатэма снимает цилиндр, открывается огромный лоб, изрезанный морщинами, и несомерно большая голова с исчерна-седыми вздыбившимися волосами. Столь же уродливой чертою, как и чудовищно большой лоб, является шея Анатэмы:

жилистая и крепкая, она слишком тонка и длинна, и

в нервных подергиваниях и изгибах своих носит голову, как тяжесть, делает ее странно-любопытной, беспокойной и опасной.

Сура. Не хотите ли стакан содовой воды, господин? Жара такая, как в аду, и если не пить, то можно умереть от солнечного удара.

Бескрайний. Настоящий боярский квас!

Пурикес. Фиалковая вода! Боже мой, фиалковая вода!

Сура. Содовая, сельтерская!

Бескрайний. Не пейте ее содовой воды, – от ее водыдохнут крысы и тараканы становятся на дыбы.

Сура. Как вам не стыдно, Иван, отбивать покупателя-я же ничего не говорю о вашем боярском квасе, который могут пить только бешеные собаки.

Пурикес (*радостно*). Покупатель! Покупатель! Пожалуйста, ничего не покупайте у меня, мне даже не нужно, чтобы вы у меня покупали, – мне нужно, чтобы я видел вас. Сонка, ты видишь – покупатель!

Сонка. Я не вижу. Я не могу видеть.

Анатэма снимает цилиндр, любезно кланяясь всем.

Анатэма. Благодарю вас. Я с удовольствием выпью стакан содовой воды и, быть может, даже стакан боярского квасу. Но мне хотелось бы знать, где здесь торговля Давида Лейзера?

Сура (*удивленно*). Здесь. Вам нужен Давид-а я его

жена, Сура.

Анатэма. Да, госпожа Лейзер, мне нужно видеть Давида, Давида Лейзера.

Сура (*подозрительно*). Вы пришли сказать что-нибудь плохое: у Давида нет друзей, которые носили бы платье из такого тонкого сукна. Тогда уходите лучше – Давида нет, и я не скажу вам, где он.

Анатэма (*сердечно*). О, нет, не беспокойтесь, сударыня: я ничего не принес дурного. Но как приятно видеть такую любовь – вы очень любите вашего мужа, госпожа Лейзер? Вероятно, он очень сильный и здоровый человек и зарабатывает много денег?

Сура (*хмурясь*). Нет, он старый и больной и не может работать. Но он ничем не согрешил ни против бога, ни против людей, и даже враги не посмеют сказать о нем худое. Вот сельтерская вода, господин, она лучше, чем содовая. И если вы не боитесь жары, то, прошу вас, присядьте и подождите немного: Давид скоро придет сюда.

Анатэма (*присаживаясь*). Да, я много хорошего слышал о вашем муже, но я не знал, что он так болен и стар. У вас есть дети, госпожа Лейзер?

Сура. Было шестеро, но четверо первых умерли...

Анатэма (*сожалея*). Ай-ай-ай.

Сура. Да, мы плохо жили, господин. И осталось только двое. Сын Наум...

Бескрайний. Бездельник, который притворяется больным и целый день шатается по городу.

Сура. Оставьте, Иван, как вам не стыдно порочить честных людей: Наум ходит затем, что он должен добывать кредит. Потом, господин, у нас есть дочь, и зовут ее Роза. Но, к сожалению, она слишком красива, слишком красива, господин. Счастье, – что такое счастье? Один умирает от оспы, а другому нужна оспа, и нет ее, и лицо чисто, как лепесток.

Анатэма (*притворяясь изумленным*). Почему же вы жалеете об этом?

Красота – дар божий, которым он оделил человека и тем превознес его и приблизил к себе.

Сура. Кто знает? – может быть, дар бога, а может быть, и кого-нибудь другого, о ком я не стану говорить. Но только я не знаю, зачем человеку красивые глаза – если он должен их прятать; зачем белизна лица – если под копотью и грязью он должен скрывать ее. Слишком опасное сокровище – красота, и легче деньги уберечь от грабителя, нежели красоту от злого.

(*Подозрительно.*) Не затем ли вы пришли, чтобы видеть Розу? – тогда лучше уходите: Розы здесь нет, и я не скажу вам, где она.

Пурикес. Покупатель, Сура, смотри: пришел покупатель!

Сура. Да, да, Пурикес. Но он не купит того, за чем

он пришел, и не найдет того, что ищет.

Анатэма, приятно улыбаясь, с интересом слушает разговор; всякий раз, как кто-нибудь начинает говорить, он вытягивает шею и поворачивает голову к говорящему, держа ее несколько набок. Гримасничает, как актер, выражая то удивление, то скорбь или негодование. Смеется, однако, некстати и этим несколько пугает и удивляет собеседников.

Бескрайний. Напрасно ты дорожишься, Сура, и не продаешь, когда покупают. Всякий товар залеживается и теряет цену.

Сура *(со слезами)*. Какой вы злой, Иван. Я же вам открыла кредит на десять копеек, а вы только и знаете, что поносите нас.

Бескрайний. Не слушайте меня, Сура. Я злой оттого, что голоден.

Господин в черном сюртуке, уходите отсюда: Сура честная женщина и не продаст вам дочери, хотя бы вы предлагали миллион.

Сура *(горячо)*. Да, да, Иван, благодарю вас. И кто сказал вам, господин, что наша Роза прекрасна? Это неправда, – не смейтесь, это неправда, она безобразна, как смертный грех. Она грязна, как собака, которая вылезла из трюма угольного парохода; лицо ее изрыто оспою и похоже на поле, где берут глину и песок; и на правом глазу у нее бельмо, большое бельмо,

как у старой лошади. Взгляните на ее волосы – они словно свалявшаяся шерсть, наполовину растасканная птицами; и она же ведь горбится при ходьбе, клянусь вам, она горбится при ходьбе. Если вы ее возьмете, над вами все станут смеяться, вас заплюют, вам не дадут покоя уличные мальчишки...

Анатэма (*удивленно*). Но я слыхал, госпожа Лейзер...

Сура (*с тоскою*). Вы ничего не слыхали. Клянусь, вы ничего не слыхали!

Анатэма. Но вы же сами...

Сура (*умоляя*). Разве я что-нибудь сказала? Боже мой, но ведь женщины так болтливы, господин; и они так любят своих детей, что всегда считают их красавцами. Роза – красавица! (*Смеется.*) Вы подумайте, Пурикес, Роза – красавица! (*Смеется.*)

Со стороны города подходит Роза. Волосы ее спутаны, взлохмачены и почти закрывают черные, сверкающие глаза; лицо ее замазано чем-то черным; одежда она безобразно. Идет она поступью стройной и молодой, но, увидя незнакомого господина, начинает горбиться, как старуха.

Вот, вот, Роза, смотрите, господин. Боже мой, как она безобразна:

Давид плачет всякий раз, как видит ее.

Роза (*оскорбляясь безотчетно и выпрямляя*

стан). Все же есть женщины хуже меня.

Сура (*убедительно*). Что ты, Роза, нет в мире девушки безобразнее тебя!

(*Шепчет с мольбою.*) Прячь красоту, Роза! Пришел грабитель, Роза, – прячь красоту. Ночью я сама вымою твое лицо, я сама расчешу твои косы, и ты будешь прекрасна, как ангел божий, и мы все станем на колени и будем молиться на тебя. Пришел грабитель, Роза! (*Громко.*) В тебя опять бросали камнями?

Роза (*хрипло*). Да, бросали.

Сура. И собаки накидывались на тебя?

Роза. Да, накидывались.

Сура. Вот видите, господин. Даже собаки!

Анатэма (*любезно*). Да, по-видимому, я ошибся. К сожалению, ваша дочь действительно некрасива, и на нее тяжело смотреть.

Сура. Конечно, есть девушки и хуже ее, но... Ступай, Розочка, туда, возьми работу: что остается делать бедной некрасивой девушке, как не работать. Иди, бедная Розочка, иди.

Роза берет тряпье для чинки и скрывается за лавкою. Молчание.

Анатэма. Вы давно имеете лавочку, госпожа Лейзер?

Сура (*успокоенная*). Уже тридцать лет, с тех пор как заболел Давид. С ним случилось несчастье: когда он

был солдатом, его потоптали лошади и испортили ему грудь.

Анатэма. Разве Давид был солдатом?

Бескрайний (*вмешиваясь*). У Лейзера был старший брат, и был он мерзавец. И звали его Моисей.

Сура (*вздыхая*). И звали его Моисей.

Бескрайний. И когда наступила пора отбывать воинскую повинность, Моисей убежал на итальянском пароходе. И на его место взяли Давида.

Сура (*вздыхая*). Взяли Давида.

Анатэма. Какая несправедливость!

Бескрайний. А разве вы встречали на свете справедливость?

Анатэма. Конечно, встречал. Вы, по-видимому, очень несчастный человек, и вам все представляется в черном свете. Но вы увидите, вы очень скоро увидите, что справедливость существует. (*Развязно.*) Черт возьми, мне нечего делать, и я постоянно гуляю по миру, и ничего я не видел так много, как справедливости. Как вам сказать, госпожа Лейзер? – ее больше на земле, чем блох на хорошей собаке.

Сура (*улыбаясь*). Но если ее так же трудно ловить, как блох...

Бескрайний. И если она кусается, как блохи...

Все смеются. Со стороны города идет измученный шарманщик, полуослепший от пыли и пота. Хочет

пройти мимо, но вдруг в отчаянии останавливается и начинает играть что-то ужасное.

Сура. Проходите, пожалуйста, проходите. Нам не нужна музыка.

Шарманщик (*играет*). И мне не нужна музыка.

Сура. Нам нечего подать вам. Проходите.

Шарманщик (*играет*). Тогда я умру под музыку.

Анатэма (*великодушно*). Прошу вас, госпожа Лейзер, дайте ему покушать и воды – я заплачу за все.

Сура. Какой вы добрый человек. Идите, музыкант, кушайте и пейте. Но только за воду я с вас ничего не возьму, пусть вода будет моя.

Шарманщик усаживается и жадно ест.

Анатэма (*любезно*). Давно вы гуляете по миру, музыкант?

Шарманщик (*угрюмо*). Раньше у меня была обезьяна... Музыка и обезьяна.

Обезьяну заели блохи, музыка стала свистеть, а я ищу дерево, где бы повеситься. Вот и все.

Прибегает девочка. Смотрит с любопытством на шарманщика, потом обращается к Сонке.

Девочка. Сонка, Рузя уже умер.

Сонка. Уже?

Девочка. Ну да, умер. Можно мне взять семечек?

Сонка (*закрывая лавку*). Можно. Сура, если придет покупатель, скажите, что я завтра опять буду торго-

вать, а то он подумает, что лавка совсем закрыта. Вы слышали: Рузя умер.

Сура. Уже?

Девочка. Ну да, умер. А музыкант будет играть? Анатэма шепчется с Сурой и что-то сует ей в руку.

Сура. Сонка, нате вам рубль, видите – рубль?

Бескрайний. Вот оно – счастье! Вчера курица, нынче рубль. Бери, Сонка!

Все с жадностью смотрят на серебряный рубль. Сонка с девочкой уходят.

Сура. Вы очень богаты, господин.

Анатэма (*самодовольно*). Н-да! У меня большая практика – я адвокат.

Сура (*быстро*). У Давида нет долгов.

Анатэма. О, я вовсе не за этим, госпожа Лейзер. Когда вы узнаете меня ближе, то вы увидите, что я только приношу, но не беру, только дарю, но не отнимаю.

Сура (*с некоторым страхом*). Разве вы пришли от бога?

Анатэма. Было бы слишком много чести для меня и для вас, госпожа Лейзер, если б я пришел от бога. Нет, я от себя.

Подходит Наум, с удивлением смотрит на покупателя и устало садится на камень. Это высокий, худой юноша с птичьей грудью и большим, бледным носом. Озирается.

Наум. Где же Роза?

Сура (*шепотом*). Тише, она там. (*Громко.*) Ну, так как же, Наум, добыл ты кредит?

Наум (*вяло*). Нет, мама, я не добыл кредита. Я начинаю умирать, мама:

всем жарко, а мне очень холодно; и я потею, но пот у меня холодный. Я встретил Сонку – Рузя уже умер?

Сура. Ты еще поживешь, Наум, ты еще поживешь.

Наум (*вяло*). Да, я еще поживу. Что же не идет отец? Ему уже пора идти.

Сура. Чисти селедку, Роза. Вот этот господин уже давно ждет Давида, а Давида все нет.

Наум. Зачем?

Сура. Не знаю, Наум. Если пришел, значит, нужно. Молчание.

Наум. Мама, я больше не буду добывать кредит. Я буду с отцом ходить на берег моря. Мне уже настало время спросить бога о моей судьбе.

Сура. Не спрашивай, Наум, не спрашивай.

Наум. Нет, я спрошу его.

Сура (*умоляя*). Не надо, Наум, не спрашивай.

Анатэма. Отчего же, госпожа Лейзер? Разве вы боитесь, что бог ему ответит что-нибудь плохое? Нужно больше веры, госпожа Лейзер, если бы вас слышал Давид, он не одобрил бы ваших слов.

Шарманщик (*поднимая голову*). Это ты, молодой

еврей, хочешь говорить с богом?

Наум. Да, это я. Всякий человек может говорить с богом.

Шарманщик. Ты думаешь? Тогда попроси новую шарманку. Скажи, что эта свистит.

Анатэма (*сочувственно*). Он может добавить, что обезьяну съели блохи – нужна новая обезьяна! (*Смеется.*)

Все с некоторым недоумением смотрят на него, кроме шарманщика, который встает и молча берется за шарманку.

Сура. Ты что хочешь делать, музыкант?

Шарманщик. Я хочу играть.

Сура. Зачем? Нам не нужно музыки.

Шарманщик. Я должен поблагодарить вас за доброту. (*Играет что-то ужасное; шарманка скрипит, обрывает, свистит.*)

Анатэма, подняв мечтательно к небу глаза, отмечает рукою едва уловимый такт и подсвистывает.

Сура. Боже мой, как скверно!

Анатэма. Это, госпожа Лейзер... (*подсвистывает*) называется мировая гармония.

На некоторое время разговор умолкает; слышится только прерывистый вой шарманки да мечтательное посвистывание Анатэмы. Солнце жжет беспощадно.

(*В упоении.*) Мне нечего делать, и я гуляю по миру.

(Увлекается все больше.)

Внезапно шарманка обрывает хрипло-свистящим звуком, который долго еще звенит в ушах, и Анатэма замирает с поднятою рукой.

(В недоумении.) Она у вас всегда так кончает?

Шарманщик. Бывает хуже. Прощайте.

Анатэма *(роясь в жилетном кармане)*. Нет, нет, не уходите так... Вы мне доставили искреннее наслаждение, и я не хочу, чтобы вы удавились. Вот вам мелочь – живите себе.

Сура *(в приятном удивлении)*. Кто бы мог подумать, глядя на ваше лицо, что вы такой веселый и добрый человек.

Анатэма *(польщенный)*. О, не смущайте меня, госпожа Лейзер, вашими похвалами. Отчего же не помочь бедному человеку, который может иначе удавиться. Но не Давид ли Лейзер этот почтенный человек, которого я вижу там? *(Всматривается туда, где дорога заворачивает вправо.)*

Сура *(также взглядываясь)*. Да, это Давид.

Все молча ожидают. На пыльной дороге, из-за поворота, показывается Давид Лейзер, медленно идущий. Он высокого роста, костляв, с длинными седыми кудрями и такую же бородой; на голове высокий, куполообразный черный картуз, в руке посох, которым Давид как бы измеряет дорогу. Смотрит вниз из-под

косматых, нависших бровей и так, не поднимая глаз, медленно и серьезно подходит к сидящим и останавливается, опершись обеими руками на посох.

(Вставая, почтительно.) Ты где был, Давид?

Давид *(не поднимая глаз)*. Я был на берегу моря.

Сура. Что ты там делал, Давид?

Давид. Я смотрел на волны, Сура, и спрашивал их: откуда пришли они и куда идут? Я думал о жизни, Сура: откуда пришла она и куда она идет?

Сура. Что же сказали волны, Давид?

Давид. Они ничего не сказали. Сура... Они приходят и вновь уходят, и человек на берегу моря напрасно ждет ответ от моря.

Сура. С кем ты разговаривал, Давид?

Давид. Я говорил с богом, Сура. Я спрашивал его о судьбе Давида Лейзера, старого еврея, который скоро должен умереть.

Сура *(с трепетом)*. Что же сказал тебе бог?

Давид молчит, потупя глаза.

Наш сын Наум также хочет быть с тобою на берегу моря и спрашивать о своей судьбе.

Давид *(поднимая глаза)*. Разве Наум скоро должен умереть?

Наум. Да, отец: я уже начал умирать.

Анатэма. Но позвольте, господа... Зачем говорить о смерти, когда я принес вам жизнь и счастье?

Давид (*поворачивая голову*). Разве вы пришли от бога? Сура, кто он, что может говорить так?

Сура. Я не знаю. Он давно ждет тебя.

Анатэма (*с радостной суетливостью*). Ах, господа, да улыбнитесь же вы!

Одна только минута внимания, и я заставлю всех смеяться! Внимание, господа!

Внимание!

Все с напряженным вниманием смотрят в рот Анатэме.

(*Вынимая бумагу, торжественно.*) Не вы ли Давид Лейзер, сын Абрама Лейзера?

Давид (*испуганно*). Ну, я. Но, может быть, есть еще другой Давид Лейзер, я не знаю, – спросите у людей.

Анатэма (*останавливая его жестом*). Не было ли у вас брата, Моисея Лейзера, который тридцать пять лет тому назад на итальянском пароходе «Фортуна» бежал в Америку?

Все. Да, был.

Давид. Но я не знал, что он в Америке.

Анатэма. Давид Лейзер, ваш брат Моисей – умер!

Молчание.

Давид. Я давно простил его.

Анатэма. И, умирая, все свое состояние, равняющееся двум миллионам долларов (*к окружающим*) – что составляет четыре миллиона рублей –

оставил вам, Давид Лейзер.

Проносится какой-то широкий вздох, и все окаменевают.

(Протягивая бумагу.) Вот документ, видите – печать!

Давид *(отталкивая бумагу)*. Нет, не надо, не надо. Вы не от бога! Бог не стал бы так шутить над человеком.

Анатэма *(сердечно)*. Ах, какие тут шутки. Честное слово, правда – четыре миллиона! Позвольте мне первому принести поздравления и горячо пожать вашу честную руку. *(Берет руку Давида и трясет ее.)* Ну-с, госпожа Лейзер, что же я вам принес? И что же вы скажете теперь; красива ваша Роза или безобразна? Ага! И станете ли вы умирать теперь, Наум? Ага! *(Со слезами.)* Вот что принес я вам, люди, а теперь позвольте мне отойти... и не мешать... *(Подносит платок к глазам и отходит к стороне, видимо, взволнованный.)*

Сура *(дико)*. Роза!

Роза *(так же дико)*. Что, мама?

Сура. Мой лицо! Мой лицо, Роза! Боже мой, да скорей же, скорей мой лицо! *(Словно помешанная тормозит Розу, моет ее, расплескивая воду дрожащими руками.)*

Наум схватил отца за руку и почти повис на нем;

кажется, что он сию минуту лишится сознания.

Давид. Возьмите бумагу назад. *(Настойчиво.)*
Возьмите бумагу назад!

Сура. Ты с ума сошел, Давид. Не слушайте его. Мой, Розочка, мой! Пусть люди увидят твою красоту!

Наум *(хватая бумагу)*. Это наша, отец. Отец, вот чем ответил тебе бог.

Посмотри на мать, посмотри на Розу – на меня посмотри, ведь я уже начал умирать.

Пурикес *(кричит)*. Ай-ай, смотрите, они разорвут бумагу! Ай-ай, скорее берите от них бумагу!

Наум плачет. Блистая красотой, с мокрыми, но уже не закрывающими глаз волосами, становится перед отцом смеющаяся Роза.

Роза. Это я, отец! Это я! Это... я!

Сура *(дико)*. Где ты была. Роза?

Роза. Меня не было, мама! Я родилась, мама!

Сура. Смотри, Давид, смотри: уже родился человек. Ох, да смотрите на нее все! Ох, да раскройте же двери перед зрением вашим, ворота распахните перед глазами – смотрите на нее все!

И вдруг Давид понимает значение случившегося. Сбрасывает с головы картуз, рвет одежду, которая душит его, и, расталкивая всех, бросается к Анатэме.

Давид *(грозно)*. Ты зачем это принес?

Анатэма *(кратко)*. Но позвольте, господин Лейзер,

я только адвокат. Я рад искренне...

Давид. Ты зачем это принес? *(С силою отталкивает Анатэму и, шатаясь, уходит по дороге. Вдруг останавливается, оборачивается назад и кричит, потрясая руками.)* Гоните его – это дьявол. Вы думаете, четыре миллиона рублей он принес? Нет, он принес четыре миллиона оскорблений! Четыре миллиона насмешек он бросил на голову Давида!.. Четыре океана горьких слез пролил я над жизнью, четыремя ветрами земли были мои вздохи, четверых детей моих сожрали голод и болезни, – и теперь, когда я должен умереть, когда я стар и должен умереть, мне приносят четыре миллиона. Вернут ли они мне молодость, которую я провел в лишениях, теснимый скорбями, облаченный печалью, увенчанный тоской? Вернут ли они хоть один день голода моего, хоть одну слезу, павшую на камень, хоть один плевок, брошенный мне в лицо?

Четыре миллиона проклятий – вот что значат твои четыре миллиона рублей!.. О Ханна, о Вениамин и Рафаил, о мой маленький Мойше, вы, мои маленькие. птички, умершие от холода на голых ветвях зимы, – что вы скажете, если ваш отец коснется этих денег? Нет, мне не надо денег. Мне не надо денег, говорю я вам, я, старый еврей, умирающий от голода. Здесь я не вижу бога. Но я пойду к нему, я скажу ему: что ты

делаешь с Давидом?.. Я иду.

(Уходит, потрясая руками.)

Сура *(плачет)*. Давид, вернись, вернись!

Пурикес *(в отчаянии)*. Бумагу-то, бумагу-то поднимите!

Анатэма *(вертится)*. Успокойтесь, госпожа Лейзер, он вернется. Это всегда так сначала. Я много гулял по миру и знаю это. Кровь бросается в голову, ноги дрожат, и человек проклинаят. Это пустяки!

Роза. Какое кривое зеркало, мама!

Наум *(плачет)*. Мама, куда ушел отец? Я хочу жить.

Анатэма. Бросьте этот кусок стекла, Роза. Вашу красоту отразят люди, вашу красоту отразит мир – в него вы будете глядеться... Ах, вы еще здесь, музыкант? Так сыграйте же нам, я прошу вас: такой праздник нельзя без музыки.

Шарманщик. То же самое играть?

Анатэма. То же самое.

Шарманка воеет и свистит. Анатэма яростно подсвистывает, размахивая руками и точно благословляя всех музыкой и свистом.

Занавес

Третья картина

Давид Лейзер живет богато. По настоянию жены и детей он нанял богатую виллу на берегу моря, завел многочисленную прислугу, лошадей и экипажи.

Анатэма, под тем предлогом, что его утомила адвокатская практика, устроился у Давида личным секретарем. К Розе ходят учителя и учительницы, дают ей уроки языков и хорошего тона, к Науму же, который окончательно разболелся и уже близок к смерти, ходит, по его желанию, только один учитель танцев.

Деньги из Америки еще не получены, но Давиду Лейзеру, миллионеру, открыт широкий кредит – впрочем, больше на вещи и товар, чем на наличные деньги, которых несколько не хватает.

Сцена представляет собою богатую залу, отделанную белым мрамором, с огромными итальянскими окнами и выходом на веранду. Полдень. За раскрытыми окнами видны полутропические растения, и глубоко синее море; в одно из окон открывается вид на город. У стола сидит Давид Лейзер, очень мрачный.

Несколько поодаль на диване расположилась Сура, одета богато, но безвкусно, и смотрит, как На-

ум учиться танцевать. Наум очень бледен, кашляет и почти шатается от слабости, особенно если, по правилам танца, ему приходится стоять на одной ноге, но учится настойчиво; одет весьма элегантно, только необычайно пестрый жилет ярких цветов да такой же галстук несколько портят впечатление. Вокруг Наума вертится, балансируя, приседая, учитель танцев со скрипкою и смычком в руках, – человек изящества и легкости необыкновенных; белый жилет, лакированные туфли, смокинг. И на все это, с видом печальным и укоризненным, смотрит Анатэма, стоящий у входа.

Учитель. Раз-два-три, раз-два-три!

Сура. Смотри, Давид, смотри, как удается нашему Науму танец. Я бы ни за что не сумела так прыгать – бедный мальчик!

Давид. Я вижу.

Учитель. Мосье Наум очень талантлив. Прошу вас... раз-два-три, раз-два-три! Позвольте, позвольте, немножко не так! Па нужно делать отчетливей, изящно округляя жест правой ногой. Вот так – вот так.

(Показывает.) Танцы, мадам Лейзер, совсем как математика, тут нужен циркуль!

Сура. Ты слышишь, Давид?

Давид. Слышу.

Учитель. Прошу вас, мосье Наум. Раз-два-три, раз-

два-три! *(Играет на скрипке.)*

Наум *(задыхаясь.)* Раз-два-три! Раз-два-три! *(Кружится и вдруг почти падает. Останавливается с лицом измученным и бескровным и смотрит омертвело – его душит кашель. Откашлявшись, продолжает.)* Раз-два-три!

Учитель. Так, так, мосье Наум. Больше изящества, больше изящества, умоляю вас! Раз-два-три! *(Играет.)*

Анатэма осторожно подходит к Сура и говорит, сдерживая голос, но настолько громко, чтобы его слышал Давид.

Анатэма. Не кажется ли вам, госпожа Лейзер, что Наум несколько утомлен? Этот учитель танцев не знает жалости.

Давид *(оборачиваясь).* Да, довольно. Ты, Сура, готова замучить юношу.

Сура *(растерянно).* Да при чем же я тут, Давид, разве я не вижу, что он устал, – но он сам хочет танцевать. Наум, Наум!

Давид. Довольно, Наум. Отдохни.

Наум *(задыхаясь).* Я хочу танцевать. *(Останавливается и истерически топает ногою.)* Почему мне не позволяют танцевать? – или все хотят, чтобы я скорее умер?

Сура. Ты еще поживешь, Наум, ты еще поживешь.

Наум (почти плача). Почему мне не позволяют танцевать? Я хочу танцевать. Я довольно добывал кредит, я хочу веселиться. Разве я старик, чтобы лежать на постели и кашлять. Кашлять, кашлять! *(Кашляет и плачет одновременно.)*

Анатэма что-то шепчет учителю танцев, и тот, изящно подняв плечи в знак соболезнования, утвердительно кивает головой и собирается уходить.

Учитель. До завтра, мосье Наум. Я боюсь, что наш урок несколько затянулся.

Наум. Завтра... непременно приходите! Вы слышите? Я хочу танцевать.

Учитель уходит, раскланиваясь. Наум молодцеватой походкой идет за ним.

Наум. Завтра же непременно, вы слышите? Непременно!

Уходят.

Анатэма. О чем вы задумались, Давид? Позвольте мне быть не только вашим личным секретарем, – хотя я горжусь этой честью, – но и вашим другом. С тех пор, как получены деньги, вас угнетает темная печаль, и мне больно глядеть на вас.

Давид. Чему же мне радоваться, Нуллюс?

Сура. А Роза? Не грехи перед богом, Давид, – не на ее ли красоте и молодости отдыхают наши глаза? Прежде даже тихая луна не смела взглянуть на нее,

звезда звезде не смела о ней шепнуть, – а теперь она едет в коляске, и все смотрят на нее, и всадники скачут за нею. Вы подумайте, Нуллюс, – всадники скачут за нею.

Давид. А Наум?

Сура. Так что же Наум? Он давно болен, ты знаешь это, и смерть на мягкой постели не хуже, чем смерть на мостовой. А может быть, он еще поживет, он еще поживет. *(Плачет.)* Давид, там во дворе тебя ожидают Абрам Хессин и девочка от Сонки.

Давид *(угрюмо)*. Что им надо, денег? Дай им, Сура, несколько грошей и отпусти их.

Сура. В конце концов они вытянут у нас все деньги, Нуллюс. Я уже второй раз даю Хессину. Он как песок, и сколько в него ни лить воды, он всегда будет сух и жаден.

Давид. Пустяки, денег у нас слишком много.

Сура. Но мне тяжело смотреть на людей, Нуллюс. С тех пор, как вы принесли нам это богатство...

Анатэма. Которое вы заслужили вашими страданиями, Лейзер.

Давид. С тех пор люди так нехорошо изменились. Вы любите, когда вам кланяются слишком низко, Нуллюс? А я не люблю – люди не собаки, чтобы ползать на брюхе. А вы любите, Нуллюс, когда люди вам говорят, что вы самый мудрый, самый великодушный, са-

мый лучший из живущих – в то время, как вы обыкновенный старый еврей, каких много. Я не люблю, Нуллюс: для сынов бога правды и милости непристойно говорить ложь, даже умирая от жестокостей правды.

Анатэма (*задумчиво*). Богатство-страшная сила, Лейзер. Никто не спрашивает вас о том, откуда у вас деньги: они видят могущество ваше и поклоняются ему.

Давид. Могущество? А Наум? А я сам, Нуллюс? – Могу ли я за все деньги купить хоть один день здоровья и жизни?

Анатэма. Вы выглядите значительно свежее.

Давид (*усмехаясь мрачно*). Да? Не взять ли и мне учителя танцев, – посоветуйте, Нуллюс.

Сура. Не забывай же Розу, отец. Разве скрывать красоту лица – не великий грех перед господом? На радость и наслаждение взорам дается она, в красоте лица являет красоту свою сам бог, и не на бога ли ежедневно поднимали мы руку, когда углем и сажей пятнали лицо нашей Розы, страшилищем и тоскою для взоров делали ее.

Давид. Красота вянет. Все умирает, Сура.

Сура. Но и лилия вянет, и умирает нарцисс, осыпаются лепестки желтой розы, – захочешь ли ты, Давид, потоптать все цветы и желтую розу осквернить хулою? Не сомневайся, Давид: справедливый бог дал

тебе богатство – и ты, который был в несчастье так тверд, что ни разу не похулил бога, станешь ли слаб в счастье?

Анатэма. Совершенно справедливо, госпожа Лейзер. У Розы уже столько женихов, что ей стоит только выбирать.

Давид (*вставая, гневно*). Я не отдам им Розу!

Сура. Ну что ты, Давид.

Давид. Я не отдам им Розу! Собаки, которые хотят лакать из золотого блюда, – я выгоню собак!

Входит Роза. Одета она богато, но просто и без излишеств; немного бледна она, утомлена слегка, но очень красива – кажется, что от нее тянутся лунные тени и лучи. И говорить и двигаться она старается красиво, внимательно следит за собою, но минутами срывается – становится груба, криклива. И мучится этим. Розу сопровождают двое господ в костюмах для верховой езды. Тот из них, что постарше, очень бледен и хмурится мрачно и злобно. И, прижимаясь к Розе, точно ища защиты у ее молодости, силы и красоты, слабо плетется Наум.

(*Довольно громко.*) Сура – женихи!

Сура (*машет рукой*). Ах, да замолчи же, Давид.

Роза (*небрежно целуя мать*). Как я устала, мама. Здравствуй, отец.

Сура. Береги себя. Розочка: нельзя заниматься так

много. *(К господину, который постарше.)* Хотя вы скажите ей, что нельзя так много работать – зачем ей теперь работа?

Молодой господин *(тихо)*. На вашу дочь нужно молиться, госпожа Лейзер.

Скоро ей воздвигнут храм.

Господин постарше *(усмехаясь)*. А при храме-кладбище. При храмах, госпожа Лейзер, всегда существуют кладбища.

Роза. До свидания. Я устала. Если вы свободны, то приезжайте завтра утром, – может быть, я опять поеду с вами.

Господин постарше *(пожимая плечами)*. Свободны? О, да, конечно, мы вполне свободны. *(Резко.)* До свидания!

Второй *(со вздохом)*. До свидания!

Уходят.

Сура *(беспокойно)*. Розочка, ты, кажется, его обидела. Зачем ты так?

Роза. Ничего, мама.

Анатэма *(Давиду)*. Ну, это еще не женихи, Давид!

Давид хмуро смеется. Анатэма же, не выдержав характера, подлетает к Розе и предлагает ей руку. Ведет ее в полуплясе, весело насвистывая тот же мотив, что и шарманка.

Ах, Роза, если бы не мои годы *(насвистывает)* и

не болезни (*насвистывает*), я был бы первым претендентом на вашу руку.

Роза (*смеясь, надменно*). Лучше болезни, чем смерть.

Давид. А вы очень веселый человек, Нуллюс.

Анатэма (*насвистывая*). Отсутствие богатства и спокойная совесть, Давид, спокойная совесть. Мне нечего делать, и я гуляю под ручку. Так вы говорите – смерть, Роза?

Роза. Попробуйте.

Анатэма (*останавливаясь*). А вы и в самом деле красивы. Роза!

(*Задумчиво.*) А что если... если... но нет: долг выше всего. Послушайте меня, Роза: не отдавайте себя меньше, чем князю, хотя бы и князю тьмы!

Наум. Розочка, зачем же ты отошла от меня? Мне холодно, когда ты не держишь меня за руку. Держи меня за руку, Розочка.

Роза (*колеблясь*). Но я должна переодеться, Наум.

Наум. Я провожу тебя до спальни. Ты знаешь, сегодня я опять танцевал, и очень хорошо, знаешь ли? Я теперь уже не так задыхаюсь. (*С чувством обожания и легкой зависти.*) Какая ты красавица, Розочка!

Сура. Подожди, Розочка, я сама расчешу тебе волосы. Ты позволишь?

Роза. Вы плохо делаете это, мама; вы больше це-

луετε, чем расчесываете, – волосы путаются от поцелуев.

Давид. Ты отвечаешь матери, Роза.

Роза (*останавливаясь*). За что ты ненавидишь мою красоту, отец?

Давид. Прежде я любил твою красоту, Роза.

Сура (*возмущенно*). Ну что ты говоришь, Давид!

Давид. Да, Сура. Я люблю жемчуг, пока он на дне моря; когда же его вынимают, он становится кровью, – и тогда я не люблю жемчуга, Сура.

Роза. За что ты ненавидишь мою красоту, отец? Ты знаешь ли, что сделала бы другая девушка на моем месте: она сошла бы с ума и завертелась бы по земле, как собака, которая проглотила булавку. А что делаю я? Я учусь, отец. Дни и ночи я учусь, отец. (*В сильном волнении.*) Ведь я не умею ничего. Я не умею говорить, я даже ходить не умею – ведь я горблюсь, я горблюсь при ходьбе!

Сура. Это неправда, Роза.

Роза (*волнуясь*). Вот я забылась немного – и я уже кричу, каркаю хрипло, как простуженная ворона. Я хочу быть красивой, я должна быть красивой, – я только за этим и родилась. Ты смеешься? Напрасно. Ты знаешь ли, что твоя дочь будет герцогиней – принцессой? К моей короне я хочу добавить и скипетр.

Анатэма. Ого!

Те трое уходят. Давид, выждав их уход, гневно вскакивает с места и быстро ходит по комнате.

Давид. Какая комедия! Какая комедия, Нуллюс! Вчера она просила у неба селедку, а сегодня ей мало короны. Завтра же она отнимет престол у сатаны и сядет на него, Нуллюс, и будет сидеть крепко! Какая комедия!

Анатэма уже изменил свой вид: он строг и мрачен.

Анатэма. Нет, это трагедия, Давид Лейзер.

Давид. Комедия, Нуллюс, комедия – разве ты не слышишь во всем этом смеха сатаны? *(Показывая рукой на дверь.)* Ты видел труп, который танцует, – каждое утро я вижу его.

Анатэма. Разве Наум так опасен?

Давид. Опасен? Три доктора, три важных господина, Нуллюс, смотрели его вчера и сказали мне тихонько, что через месяц Наум умрет, что сейчас он уже труп больше, чем наполовину, – не сон ли это, Нуллюс? Не смех ли это сатаны?

Анатэма. А что они сказали о вашем здоровье, Давид?

Давид. Я не стал их спрашивать. Я не хочу, чтобы мне сказали: вы можете также прыгать под музыку, Давид. Как вам это нравится, Нуллюс: два трупа, танцующих в белой мраморной комнате? *(Смеется мрачно и зло.)*

Анатэма. Вы меня пугаете, мой друг. Что делается в вашей душе?

Давид. Не касайтесь моей души, Нуллюс, – в ней ужас. *(Хватается руками за голову.)* Ах, что же мне делать, что же мне делать? Я один во всем мире.

Анатэма. Что с вами, Давид? Успокойтесь...

Давид *(останавливаясь перед Анатэмой с ужасом)*. Смерть, Нуллюс, смерть! Вы принесли нам смерть. Не был ли я безгласен перед смертью? Не ждал ли я ее, как друга? Но вот вы принесли богатство – и я хочу танцевать.

Я хочу танцевать, а смерть хватает меня за сердце; я хочу есть, ибо в самые кости мои вошел голод, – а старый желудок извергает пищу обратно; я хочу смеяться, – а лицо мое плачет, а глаза мои слезятся, а душа моя воеет от смертельного страха. В костях моих голод, и уже в крови моей яд – нет мне спасения: постигла смерть! *(Тоскует.)*

Анатэма *(многозначительно)*. Вас ждут бедные, Давид.

Давид. Ну так что же?

Анатэма. Вас ждут бедные, Давид.

Давид. Бедные всегда ждут.

Анатэма *(строго)*. Теперь я вижу, что ты действительно погиб, Давид.

Тебя покинул бог.

Давид останавливается и смотрит изумленно и гневно. Анатэма, надменно закинув голову, спокойно и строго выдерживает его взгляд. Молчание.

Давид. Это мне вы говорите, Нуллюс?

Анатэма. Да, это вам я говорю, Давид Лейзер. Будьте осторожны, Давид Лейзер, – вы во власти сатаны.

Давид (пугаясь). Мой друг Нуллюс, вы пугаете меня; чем заслужил я ваш гнев и эти жестокие и страшные слова? Вы всегда так хорошо относились ко мне и к моим детям... Ваши волосы так же седые, как и мои, в чертах ваших я давно уже заметил скрытую муку и... я уважаю вас, Нуллюс! Зачем же вы молчите? Какой-то страшный огонь горит в ваших глазах, – кто вы, Нуллюс? Но вы молчите... Нет, нет, не опускайте глаз, мне еще страшней, когда опущены они: тогда на вашем челе проступают огненные письмена какой-то смутной, какой-то страшной – смертельной правды!

Анатэма (нежно). Давид!

Давид (радостно). Ты заговорил, Нуллюс?

Анатэма. Молчи и слушай меня. От безумия я верну тебя к разуму, от смерти – к жизни.

Давид. Молчу и слушаю.

Анатэма. Твое безумие в том, Давид Лейзер, что ты всю жизнь искал бога, а когда бог пришел к тебе – ты сказал: я тебя не знаю. Твоя смерть в том, Давид

Лейзер, что, ослепленный несчастьями, как лошадь, которая в темноте вертит круг свой, ты не увидел людей и одинок остался среди них, со своею болезнью и богатством своим. Там во дворе тебя ждет жизнь, а ты, слепец, закрываешь перед нею двери. Танцуй, Давид, танцуй, – смерть подняла смычок и ждет тебя! Больше грации, Давид Лейзер, больше грации, ловчее закругляйте па!

Давид. Что ты хочешь от меня?

Анатэма. Верни богу, что дал тебе бог.

Давид (*мрачно*). А разве что-нибудь дал мне бог?

Анатэма. Каждый рубль в твоём кармане – это нож, который ты вонзаешь в сердце голодного. Раздай имение нищим, дай хлеб голодным – и ты победишь смерть.

Давид. Корки хлеба не дали Давиду, когда он был голоден, – их ли сытостью насыщу свой голод, который в костях?

Анатэма. В них будешь сыт.

Давид. Верну ли здоровье и силу?

Анатэма. В них будешь силен.

Давид. Изгоню ли смерть, которая уже в крови жидкой, как вода, которая уже в венах и жилах моих, твердых, как высохшие канаты? Верну ли жизнь?

Анатэма. Их жизнью умножишь твою жизнь. Сейчас у тебя одно сердце, Давид, – у тебя станут мил-

лионы сердец.

Давид. Но я умру.

Анатэма. Нет, ты будешь бессмертен.

Давид в ужасе отступает.

Давид. Страшное слово произнесли твои уста. Кто ты, что смеешь обещать бессмертие, – не в руке ли бога и жизнь и смерть человека?

Анатэма. Бог сказал: жизнью жизнь восстанови.

Давид. Но люди злы и порочны, и голодный ближе к богу, чем сытый.

Анатэма. Вспомни Ханну и Вениамина...

Давид. Молчи!

Анатэма. Вспомни Рафаила и маленького Мойше...

Давид (*в тоске*). Молчи, молчи!

Анатэма. Вспомни своих маленьких птичек, умерших на холодных ветвях зимы...

Давид горько плачет.

Когда звенит жаворонок в голубом небе, скажешь ли ты ему: молчи, маленькая птица, – богу не нужна твоя песнь? И не дашь ли ты ему зерна, когда он голоден? И не укроешь ли на груди от мороза, чтобы тепло ему было и мог бы он сохранить свой голос до весны? Кто же ты, несчастный, не жалеющий птиц и детей отдающий ненастью? Вспомни, как умирал твой маленький Мойше. Вспомни, Давид, и скажи: люди по-

рочны и злы и недостойны милости моей.

Как бы под страшную тяжестью Давид подгибает колена и поднимает руки, словно зашитая голову от удара с неба. Хрипит.

Давид. Адэной, Адэной!

Анатэма, сложив руки на груди, молча смотрит на него. Он мрачен.

Пощады! Пощады!

Анатэма (*быстро*). Давид, бедные ждут тебя. Они сейчас уйдут.

Давид. Нет, нет!

Анатэма. Бедные всегда ждут, но они устают ждать и уходят.

Давид (*странно*). От меня они не уйдут. Ах, Нуллюс, Нуллюс... Ах, умный Нуллюс, ах, глупый Нуллюс, да неужели ты не понял, что уже давно жду я бедных и голос их в ушах и сердце моем? Когда едут колеса по пыльной дороге, примятой дождем, то думают они, кружась и оставляя след: вот мы делаем дорогу. А дорога была, Нуллюс, дорога-то уже была! (*Весело.*) Зови бедняков сюда!

Анатэма. Подумай, Давид, кого ты зовешь. (*Мрачно.*) Не обмани меня, Давид!

Давид. Я никогда не обманывал, Нуллюс. (*Решительно и величаво.*) Ты говорил – я молчал и слушал, теперь ты молчи и слушай меня: ибо не человеку, но

богу отдал я душу свою, и власть его на мне. И я приказываю тебе: призови сюда жену мою Суру и детей моих, Наума и Розу, и всех домочадцев моих, какие только есть.

Анатэма *(покорно)*. Призову.

Давид. И призови бедных, какие ждут меня во дворе. И, выйдя на улицу, взгляни, нет ли и там бедных, ожидающих меня, и если увидишь, то призови и их. Ибо их жаждою горят мои уста, и их голодом ненасытимо страждет чрево мое, и пред лицом народа тороплюсь я возвестить о моей последней и непреклонной воле. Иди.

Анатэма *(покорно)*. Твоя воля на мне.

Анатэма уходит, до самой двери напутствуемый повелительным жестом Давида. Молчание.

Давид. Дух божий пронесся надо мною, и волосы поднялись на голове моей. Адэной, Адэной... Кто, страшный, вещал голосом старого Нуллюса, когда заговорил он о моих маленьких умерших детях? – Только стрела, пущенная из лука всезнающего, так метко попадает в самое сердце. Мои маленькие птички... Воистину на краю бездны удержал ты меня и из когтей дьявола ты вырвал мой дух. Слепнет тот, кто смотрит прямо на солнце, но вот проходит время, и возвращается свет воскресшим очам; но навсегда слепнет тот, кто смотрит во тьму. Мои маленькие птички... *(Вдруг*

смеется тихо и радостно и шепчет.) Я сам понесу им хлеб и молоко, я спрячусь за пологом, чтобы не видели меня, – дети так нежны и пугливы и боятся незнакомых людей, у меня же такая страшная борода. *(Смеется.)* Я спрячусь за пологом и буду смотреть, как кушают они. Им нужно так мало: съедят корочку хлеба и сыты, выпьют кружку молока и уже не знают жажды. Потом поют... Но как странно: разве не уходит ночь, когда приходит солнце, разве с концом бури не ложатся волны спокойно и тихо, как овцы, отдыхающие на пастбище, – откуда же тревога, смятение легкое и страх? Тени неведомых бедствий проносятся над моей душой и реют бесшумно над мыслями моими. Ах, остаться бы мне бедным, быть бы мне неизвестным, прозябать бы мне в тени забора, где сваливают мусор... На вершину горы ты поднял меня и миру явишь мое старое, печальное лицо. Но такова воля твоя. Ты повелишь – и ягненок станет львом, ты повелишь – и яростная львица протянет младенцам сосцы свои, полные силы, ты повелишь – и Давид Лейзер, побелевший в тени, бесстрашно поднимется к солнцу. Адэной!

Адэной!

Входят встревоженные Сура, Наум и Роза.

Сура. Зачем ты призвал нас, Давид? И почему так строг был твой Нуллюс, когда передавал нам прика-

зание? Мы ничем не провинились перед тобою, а если провинились, то исследуй, но не смотри так строго.

Роза. Можно сесть?

Давид. Молчите и ждите. Еще не все пришли, кого я звал. Ты же, Роза, сядь, если устала, но когда настанет время – встань. Присядь и ты, Наум.

Нерешительно входит прислуга: лакей, похожий на английского министра, горничная, повар, садовник, судомойка и другие. Смущенно топчутся. Почти тотчас же входят кучками бедняки, человек пятнадцать-двадцать. Среди них Абрам Хессин, старик; девочка от Сонки, Иосиф Крицкии, Сарра Липке и еще несколько евреев и евреек. Но есть и греки, и молдаване, и русские, и просто загрызенные жизнью бедняки, национальность которых теряется в безличности лохмотьев и грязи; двое пьяных. Тут же грек Пурикес, Иван Бескрайний и шарманщик, со своею, все тою же облезлой и скрипучей, машиной.

Но Анатэмы еще нет.

Прошу вас, прошу вас. Входите же смелей и не останавливайтесь на пороге, за вами идут еще. Но было бы хорошо, если бы вытирали ноги: этот богатый дом не мой, и я должен вернуть его чистым, как и получил.

Хессин. Мы еще не научились ходить по коврам, и у нас нет лаковых ботинок, как у вашего сына Наума.

Здравствуйте, Давид Лейзер. Мир вашему дому!

Давид. Мир и тебе, Абрам. Но зачем ты так пышно зовешь меня Давидом Лейзером, когда прежде звал просто Давидом?

Хессин. Вы теперь такой могущественный человек, Давид Лейзер. Да, прежде я звал вас Давидом, но вот я жду вас во дворе, и чем я больше жду, тем длиннее становится ваше имя, господин Давид Лейзер.

Давид. Ты прав, Абрам: когда заходит солнце, длиннее становятся тени, и когда человек умаливается – имя его вырастает. Но подожди, Абрам, еще.

Лакей (пьяному). Вы бы отодвинулись от меня.

Пьяный. Молчи, дурак! Ты здесь лакей, а мы в гостях.

Лакей. Хам! Ты тут не в конке, чтобы плевать на пол.

Пьяный. Господин Лейзер, какой-то человек, похожий на старого черта, схватил меня за шиворот и сказал: тебя зовет Давид Лейзер, который получил наследство. И я спросил – это зачем? Он же ответил: Давид хочет тебя сделать своим наследником, – и засмеялся. А когда я пришел, ваш лакей гонит меня.

Давид (улыбаясь). Ну лжусь – веселый человек и никогда не упускает случая, чтобы пошутить. Но вы мой гость, и я прошу вас, подождите.

Сура (после некоторого колебания не выдержива-

ет). Ну как у вас торговля, Иван? Теперь у вас меньше конкурентов?

Бескрайний. Плохо, Сура: покупателей нет.

Пурикес (как эхо). Покупателей нет.

Сура (жалееет). Ай-ай-ай! Это плохо, когда нет покупателей.

Роза. Молчи, мама, – не хочешь ли ты вновь вымазать сажей мое лицо?

Толкая впереди себя нескольких бедняков, входит Анатэма. – он, видимо, устал и запыхался.

Анатэма. Ну вот, Давид, получайте пока это. Ваши миллионы пугают бедняков, и никто не хотел идти за мною, думая, что здесь кроется обман.

Пьяный. Вот этот человек схватил меня за шиворот.

Анатэма. Ах это вы? Здравствуйте, здравствуйте.

Давид. Благодарю тебя, Нуллюс. Теперь же возьми чернила и бумагу и сядь возле меня за столом; мне же подай мои старые счета... Так как все, что я буду говорить, очень важно, то, прошу тебя, записывай точно и не ошибайся – в каждом слове нашем мы дадим отчет богу. Вас же всех прошу встать и слушать внимательно, вникая в смысл великих слов, которые я произнесу. (Строго.) Встань, Роза.

Сура. Боже, сжапись над нами! Что ты хочешь делать, Давид?

Давид. Молчи, Сура. Ты пойдешь за мною.

Анатэма. Готово.

Все стоя слушают.

Давид (*торжественно*). По смерти брата моего, Моисея Лейзера, я получил наследство (*откладывает на счетах*) два миллиона долларов.

Анатэма (*егозливо поднимая четыре пальца*). Что значит четыре миллиона рублей.

Все в волнении.

Давид (*строго*). Не прерывайте меня, Нуллюс. Да, это значит четыре миллиона рублей. И вот, подчиняясь голосу моей совести и велению бога, а также в память детей моих: Ханны, Вениамина, Рафаила и Моисея, умерших от голода и болезней и отроческом возрасте... (*Опускает голову все ниже и горько плачет.*)

И такими же слезами отвечает ему Сура.

Сура. О, мой маленький Мойше! Давид, Давид, умер наш маленький Мойше!

Давид (*вытирает глаза большим красным платком*). Молчи, Сура! Ну, так что же я им хотел сказать, Нуллюс?.. Но пишите, Нуллюс, пишите. Я знаю.

(*Твердо.*) И вот решил я, в согласии с законами бога, который есть правда и милость, – раздать все мое имение нищим. Так ли я говорю, Нуллюс?

Анатэма. Я слышу бога.

Никто не верит в первую минуту; но быстро родятся

радостные сомнения, и неожиданный темный страх реет над головами. Как бы во сне, люди твердят очарованно: «Четыре миллиона, четыре миллиона», и закрывают глаза руками.

Выступает вперед шарманщик.

Шарманщик (*угрюмо*). Ты мне купишь новую музыку, Давид?

Анатэма. Тсс! Назад, музыкант.

Шарманщик (*отступая*). Я хочу и новую обезьяну.

Давид. Возвеселитесь же сердцем, несчастные, и улыбкою уст ответьте на милость неба. И идите отсюда в город, как вестники счастья, обойдите его улицы и площади и всюду громко кричите: Давид Лейзер, старый еврей, который скоро должен умереть, получил наследство и раздает его бедным. И если увидите человека, который плачет, и ребенка, лицо которого бескровно и мутны глаза, и женщину, у которой отвисли тощие груди, как у старой козы, – и тем вы скажете: идите, вас зовет Давид. Так ли я говорю, Нуллюс?

Анатэма. Так, так. Но всех ли ты позвал?

Давид. И если увидите пьяного человека, заснувшего на блевоте своей, разбудите его и скажите: иди, тебя зовет Давид. И если увидите вора, которого бьют на базаре обиженные им, то и его позовите словами добрыми и имеющими силу приказа: иди, тебя зовет Давид. И если увидите людей, от нужды впавших в

раздражение и злобу и побивающих друг друга палками и обломками кирпича, то и им возвестите мир словами: идите, вас зовет Давид!

И если увидите человека стыдливого, который, ходя по большой улице, опускает взоры перед взорами, а в спину смотрит жадно, то и ему тихонько скажите, не возмущая гордости его: не Давида ли ищешь? Иди, уже давно он ждет тебя. И если в вечерний час, когда семенем ночи засеваает землю дьявол, вы увидите женщину, которая раскрашена страшно, подобно тому, как язычники раскрашивают трупы умерших, и смотрит смело, ибо лишена стыда, и поднимает плечи, ибо удара боится, то и ей скажите: иди, тебя зовет Давид! Так ли я говорю, Нуллюс?

Анатэма. Так, Давид. Но всех ли ты позвал?

Давид. И какой бы образ, внушающий омерзение и страх, ни приняла нищета, и какими красками ни расцветилось бы горе, и какими словами ни оградилось бы страдание, громким призывом поднимайте уставших, словами жизни возвращайте жизнь умирающим! И не верьте молчанию и тьме, когда стеною преградят они путь: громче кричите в молчание и тьму, ибо там почивает неизреченный ужас.

Анатэма. Так, Давид, так! Я вижу, как на вершину поднимается твой дух, и громко стучишь ты в железные врата вечности: откройтесь. Я люблю тебя, Да-

вид, я целую твою руку, Давид, я, как собака, готов ползать на брюхе и исполнять повеления твои. Зови, Давид, зови. Восстань, земля! Север и юг, восток и запад, я приказываю вам, волею Давида, господина моего, откликнитесь на зов зовущего и четыремя океанами слез остановитесь у ног его. Зови, Давид, зови.

Давид (*поднимая руки*). Север и юг...

Анатэма. Восток и запад...

Давид. Всех зовет Давид!

Анатэма. Всех зовет Давид!

Смятение, слезы, смех, ибо теперь все верят. Анатэма целует руку Давида и мечется в полном восторге. Тащит шарманщика за шиворот на середину.

Смотри, Давид – музыкант! (*Хохочет и трясет шарманщика.*) Так ты не хочешь старой музыки, а? Так тебе нужна новая обезьяна? А? Может быть, ты и порошок попросишь от блох, – проси: мы все дадим тебе!

Давид. Тише, Нуллюс, тише. Уже надо работать. Вы умеете считать на счетах, Нуллюс?

Анатэма. Я, о, равви Давид? Я сам – число и счет, я сам – мера и весы!

Давид. Так садитесь же, пишите и считайте. Но вот что, мои милые дети:

я старый еврей, умеющий головку чеснока разделить на десять порций, я знаю не только нужду чело-

века, но я видел и то, как голодает таракан, да, – но и то я видел, как умирают от голода маленькие дети... *(Опускает голову и глубоко вздыхает.)* Так не обманывайте же меня и помните, что всему есть счет и мера. И там, где нужно десять копеек, не просите двадцать, и там, где достаточно одной меры пшена, не требуйте двух, ибо лишнее для одного всегда необходимое для другого. Как братья, у которых одна только мать, с грудями полными, но истощающимися быстро, не обижайте друг друга и не огорчайте щедрую, но и бережливую мать... Можно начинать? Ну ллус, у вас все готово?

Анатэма. Можно. Я жду, Давид.

Давид. Так станьте же в очередь, прошу вас. Денег у меня пока нет, они еще в Америке, но я запишу точно, кому и сколько надо по нужде его.

Сура. Давид, Давид, что ты делаешь с нами? Взгляни на Розу, взгляни на бедного Наума.

Наум ошеломлен – хочет что-то сказать, но не может; бессильно ловит воздух растопыренными пальцами. И поодаль от него, одинокая в своей молодости, силе и красоте, среди всей этой бедноты, изможденных лиц, плоских, точно раздавленных грудей, жалкого отребья – стоит Роза и вызывающе смотрит на отца.

Роза. Разве мы меньше дети, чем эти, собранные

на улице, и разве мы не брат и сестра тех, что умерли?

Давид. Роза права, мать, и всякий получит то, что ему следует.

Роза. Да-а? А ты знаешь, сколько следует каждому, отец? *(Горько смеется и хочет уходить, презрительным движением руки требуя дорогу.)*

Давид *(мягко и печально)*. Останься, Роза!

Роза. Мне здесь нечего делать. Я слышала, ты всех призвал... О, ты звал очень громко!.. Но позвал ли ты – красивых? Мне здесь нечего делать.

(Уходит.)

Сура *(вставая в нерешительности)*. Розочка!

Давид *(все так же мягко, с тихой улыбкой)*. Останься, мать, – куда тебе идти. Ты – со мною.

Наум делает несколько шагов за Розой, потом возвращается назад и вяло садится около матери.

Готово, Нуллюс? Так подойдите же, почтенный человек, первый стоящий в очереди.

Хессин *(подходя)*. Ну вот и я, Давид.

Давид. Как вас зовут?

Хессин. Меня зовут Абрам Хессин... Но разве ты забыл мое имя? Ведь еще детьми мы играли с тобою.

Давид. Тсс! Так нужно для порядка, Абрам. Четко напишите это имя, Нуллюс: это первый, который ждал меня и на котором проявилась воля господина моего.

Анатэма *(пишет старательно)*. Номер первый...

Я потом разлиную бумагу, Давид! Номер первый: Абрам Хессин...

Наум (*тихо*). Мама, я больше не буду танцевать.

Занавес

Четвертая картина

Та же пыльная дорога с покосившимися столбами и старой, заброшенной караульней; те же лавчонки. И так же, как тогда, беспощадно жжет солнце. Но и на дороге и возле лавчонок уже не безлюдно, как прежде... В большом числе собрались бедняки, чтобы приветствовать Давида Лейзера, раздавшего свое имение нищим, и наполняют раскаленный воздух криками, движением, веселой суетою. Счастливые Пурикес, Бескрайний, и Сонка, гордые обилием товара в своих магазинах, бойко торгуют содовой водой и леденцами. А возле своей лавчонки сидит, как прежде, Сура Лейзер, одетая чисто, но бедно: после того, как сын Наум скончался от чахотки, а красавица Роза, захватив значительную сумму денег, бежала неизвестно куда, Сура возненавидела богатство и охотно вернулась к прежнему занятию, как пожелал того Давид.

Уже почти все деньги розданы, остается всего несколько десятков рублей, необходимых для того, чтобы Давид Лейзер и его жена могли доехать до Иерусалима и в честной бедности окончить жизнь свою в стенах святого города. Давиду Лейзеру, ушедшему с другом своим Анатэмой на берег мо-

ря, готовится торжественная встреча. Все лавчонки, и даже столбы, и даже заброшенная караульня украшены пестрым разноцветным тряпьем и ветвями деревьев; с правой же стороны дороги на выгравшей и примятой траве готовится к встрече оркестр – несколько евреев с разнообразными инструментами, собранными, по-видимому, случайно: тут и хорошая скрипка, и цимбалы, и измятая, испорченная медная труба, и даже барабан, хотя и прорванный немного. Участники оркестра плохо сыгрались и теперь ожесточенно бранятся, порицая чужие инструменты.

Среди собравшихся много детей, есть совсем маленькие и даже грудные младенцы, принесенные на руках. В толпе знакомые лица Абрама Хессина и других бедняков, бывших в первый день раздачи денег; поодаль, на бугорке, держа оружие свое наготове, стоит угрюмый шарманщик. Он уже успел приобрести в кредит новую шарманку, но не может найти новой обезьяны: все обезьяны, к каким он приценивался, или совершенно бездарны, или же слабы здоровьем и на пути к несомненному вырождению.

Молодой еврей (*трубит в измятую трубу*). Но почему же она может только в одну сторону? Такая хорошая труба.

Музыкант со скрипкой (*волнуясь*). Но что вы де-

лаете со мною – разве с такую трубой можно встречать Давида Лейзера? Вы бы еще принесли кошку и стали дергать ее за хвост и думали, что Давид назовет вас своим сыном.

Молодой еврей (*упрямо*). Труба хорошая. На ней играл мой папаша, когда был военным музыкантом, и все благодарили его.

Музыкант. Ваш папаша играл на ней, а кто же на ней сидел? Отчего же она такая мятая? Разве можно с такой помятой трубой встречать Давида Лейзера?

Молодой еврей (*со слезами*). Труба совсем хорошая.

Музыкант (*почти плача, к угрюмому, бритому старику*). Это ваш барабан?

Нет, скажите, вы серьезно думаете, что это барабан? Разве в барабане бывает такая дырка, в которую может пролезть собака?

Хессин. Не нужно волноваться, Лейбке. Вы очень талантливый человек, и у вас будет прекрасная музыка, и Давид Лейзер будет очень тронут.

Музыкант. Но я же не могу. Вы, Абрам Хессин, почтенный человек, вы очень долго жили на свете, но разве вы видали когда-нибудь такую большую дыру в барабане?

Хессин. Нет, Лейбке, такой большой дыры я не видал, но это совсем не важно. Давид Лейзер был мил-

лионером, у него было двадцать миллионов рублей, но он человек неизбалованный и скромный, и ему доставит радость ваша любовь. Разве душе нужен барабан, чтобы она могла выразить свою любовь? Я вижу здесь людей, у которых нет ни барабана, ни труб и которые плачут от счастья, – их слезы бесшумны, как роса, но поднимитесь выше, Лейбке, поднимитесь немного к небу, и вы не услышите барабана, но зато услышите, как падают слезы.

Старик. Не нужно ссориться и омрачать дни светлой радости. Давиду будет неприятно.

К разговору прислушивается странник – лицо у него суровое, черное от загара; все же остальное: волосы, одежда, сереет от придорожной пыли.

Осторожен в обдуманых движениях, но смотрит просто и прямо, и глаза у него без блеска – как раскрытые окна в жилом доме среди ночи.

Странник. Он мир и счастье принес на землю, и уже вся земля знает о нем. Я пришел издалека, где другие люди, не похожие на вас, и другие у них нравы, и только по страданиям и горю они ваши братья. И уже там знают о Давиде Лейзере, раздающем хлеб и счастье, и благословляют его имя.

Хессин. Вы слышите, Сура? (*Утирая слезы.*) Это о вашем муже говорят, о Давиде Лейзере.

Сура. Я слышу, Абрам. Я все слышу. Я только не

слышу голоса Наума, который умер, и лепета Розы не слышу я. Вот вы, старичок, много ходили по земле и даже знаете таких людей, которые на нас не похожи, — не встречали ли вы на дороге красивой девушки, красивейшей из всех, какие есть на земле?

Бескрайний. У нее была дочь Роза, красивая девушка, и убежала она из дому, не желая уступать бедным своей доли. Много денег она захватила, Сура?

Сура. Разве для Розы может быть много денег? Тогда вы скажете, что в короне царя есть лишние брильянты и у солнца лишние лучи.

Странник. Нет, я не видел вашей дочери: по большим дорогам иду я, и там нет ни богатых, ни красивых.

Сура. Но, быть может, вы видали людей, которые, собравшись, говорят горячо о какой-то красавице? Это моя дочь, старик.

Странник. Нет, я не видел таких людей. Но я видел других людей, которые, собравшись, говорили о Давиде Лейзере, раздающем хлеб и счастье.

Правда ли, что ваш Давид исцелил женщину, у которой была неизлечимая болезнь и она уже умирала?

Хессин (*улыбаясь*). Нет, это неправда.

Странник. Правда ли, что Давид возвратил зрение человеку, который был слеп от рождения?

Хессин (*качая головой*). Это неправда. Кто-то обманул людей, которые не похожи на нас. Только бог

может творить чудеса. Давид же Лейзер лишь добрый и достойный человек, каким должен быть всякий, еще не забывший бога.

Пурикес. Нет, это не верно, Абрам Хессин. Давид – не простой человек, и не человеческая сила в нем. Я знаю это.

Народ, окруживший их, жадно слушает слова Пурикеса.

Я видел своими глазами, как по безлюдной, опаленной солнцем дороге прошел тот, кого я принял за покупателя, – но коснулся рукою Давида, и Давид заговорил так страшно, что я не мог его слушать. Вы помните, Иван?

Бескрайний. Это правда, Давид – не простой человек.

Сонка. Разве простой человек бросает в людей деньгами, как камнями в собаку? Разве простой человек ходит плакать на могилу чужого ребенка, которого не он родил, не он лелеял и не он схоронил, когда пришла смерть?

Женщина с ребенком на руках. Давид не простой человек. Кто видал простого человека, который больше ребенку мать, чем его родная мать?

Который стоит за пологом и смотрит, как кушают чужие дети, и плачет от радости? Которого не боятся дети, даже самые маленькие, и играют с почтенной

бородую его, как с бородую деда? Не целый ли клочок седых волос вырвал маленький, глупенький Рувим из почтенной бороды Давида Лейзера? – Рассердился ли Давид? Закричал ли от боли, затопал ли ногами? Нет, он засмеялся как бы от счастья и как бы от радости заплакал он.

Пьяный. Давид не простой человек. Он чудак. Я ему сказал: зачем вы даете мне деньги? Правда, я бос и грязен, но не думайте, что на ваши деньги я куплю мыло и сапоги. Я пропью их в ближайшем кабаке. Так я должен был сказать ему, потому что я хоть и пьяница, но я честный человек. И чудак Давид ответил мне смешно, как хороший сумасшедший: если вам приятно пить, Семен, то и пейте, пожалуйста, – не учить людей, а радовать их я пришел.

Старый еврей. Учителей много, а радующих-нет. Да благословит бог Давида, радующего людей.

Бескрайний (пьяному). Так-таки сапог и не купил?

Пьяный. Нет. Я честный человек.

Музыкант (в отчаянии). Ну скажите вы все, у кого есть совесть: разве такая музыка нужна Давиду, радующему людей? Мне стыдно, что я собрал такой плохой оркестр, и лучше бы мне умереть, чем срамиться перед Давидом.

Сура (к шарманщику). А вы будете играть, музыкант? У вас теперь такая красивая машина, что под

нее могут танцевать ангелы.

Шарманщик. Буду.

Сура. Но почему же у вас нет обезьяны?

Шарманщик. Я не мог найти хорошей обезьяны. Все обезьяны, каких я видел, либо старые, либо злы, либо совсем бездарны и даже не умеют ловить блох. У меня уже заели блохи одну обезьяну, и я не хочу, чтобы погибла и другая. Обезьяне нужен талант, как и человеку, – одного хвоста мало даже для того, чтобы быть обезьяной.

Странник тихо допытывается у Абрама Хессина.

Странник (*тихо*). Скажи мне правду, еврей: я прислан сюда людьми, и много верст под солнцем, не знающим жалости, прошел я моими старыми ногами, чтобы узнать правду. Кто этот Давид, радующий людей? Пусть он не исцеляет больных...

Хессин. Это грех и обида богу – думать, что человек может исцелять.

Странник. Пусть так. Но не правда ли, что Давид Лейзер хочет построить огромный дворец из белого камня и голубого стекла и собрать туда всех бедных земли?

Хессин (*в смущении*). Не знаю. Разве можно построить такой большой дворец?

Странник (*убежденно*). Можно. И правда ли, что он хочет отнять силу у богатых и оделить ею бедных?

(Шепотом.) И взять власть у властвующих, могущество у повелевающих и оделить ими людей, всех поровну, сколько их ни есть на земле?

Хессин. Не знаю. *(Робко.)* Ты пугаешь меня, старик.

Странник *(осторожно озираясь)*. И правда ли, что он уже послал вестников в Эфиопию к черным людям, чтобы и они готовились к приятию нового царства, потому что и черных людей он хочет оделить наравне с белыми, всем поровну, каждому столько, сколько он пожелает *(таинственным шепотом, угрожающе)* по справедливости.

На дороге из-за поворота показывается Давид Лейзер, идущий медленно; в правой руке у него посох, под левую же руку его почтительно поддерживает Анатэма. Среди ожидающих волнение и тревога: музыканты бросаются к своим инструментам, женщины торопливо собирают играющих детей. Крики: идет! идет!

– зовы: Мойше, Петя, Сарра.

Старик. И правда ли...

Хессин. Спроси его. Вот он идет сам.

Увидев толпу, Анатэма останавливает задумавшегося Давида и широким, торжествующим жестом указывает на ожидающих. Так некоторое время стоят они:

Давид с закинутою назад седою головой и прижавшийся к нему Анатэма; приблизив лицо свое к лицу

Давида, Анатэма что-то горячо шепчет ему и продолжает указывать левою рукою. Отчаянно метавшийся Лейбке собрал наконец свой оркестр, и тот раздражается диким разноголосым тушем, пестрым и веселым, как развевающиеся цветные лоскутья. Веселые крики, смех, дети лезут вперед, кто-то плачет, многие молитвенно протягивают руку Давиду. И среди хаоса веселых звуков медленно движется Давид. Толпа расступается на пути его, многие бросают ветви и постилают свои одежды, женщины срывают повязки с голов и бросают к его ногам на пыльную дорогу. Так он доходит до Суры, которая, встав, приветствует его с другими женщинами. Музыка смолкает. Но Давид молчит. Смущение.

Что же ты молчишь, Давид? Вот люди, которых ты сделал счастливыми, приветствуют тебя и постилают одежды на твоём пути, ибо велика их любовь и не вмещается в груди радость. Скажи слово – они ждут.

Давид стоит, опустив глаза и обеими руками опершись на посох; лицо его строго и важно. И с тревогою через плечо смотрит на него Анатэма.

Анатэма. Тебя ждут, Давид. Скажи им слово радости и успокой их любовь.

Давид молчит.

Женщина. Что же ты молчишь, Давид? Ты пугаешь нас. Разве ты не Давид, радующий людей?

Анатэма (*нетерпеливо*). Говори же, Давид. Слово радости ждет их взволнованный слух, и молчанием, подобным немоте камня, ты к земле пригнетаешь их душу. Говори.

Давид (*поднимая глаза и строго ими обводя толпу*). Зачем эти почести, и шум голосов, и музыка, которая играет так громко? Кому воздаете почести, которых достоин только князь или свершивший великое? Мне ли, старому, бедному человеку, который скоро должен умереть, постилаете одежды на пути?

Что я сделал такое, чтобы заслужить восторг и ликование и слезы безумной радости исторгнуть из глаз? Я дал вам деньги и хлеб – но это деньги всевышнего, от него пришедшие и к нему через вас вернувшиеся. Только то я сделал, что не утаил денег, как вор, и грабителем не стал, как забывающие бога. Так ли я говорю, Нуллюс?

Анатэма. Нет, Давид, не так. Недостойна твоя речь мудрого, и не из уст смиренного исходит она.

Старик. Хлеб без любви, как трава без соли: желудок насыщается, во рту же томление и горькая память.

Давид. Разве я забыл что-нибудь, Нуллюс? Тогда напомни мне, друг: я уже стар, и плохо видят мои глаза, но не музыкантов ли я вижу, скажи, Нуллюс? Не флаги ли, пестрые, как язык сороки, над головой мо-

ей? Скажи, Нуллюс.

Анатэма. Ты людей забыл, Давид. Ты детей не видишь, Давид Лейзер.

Давид. Детей?

Женщины с плачем протягивают Давиду своих детей.

Голоса. Благослови моего сына, Давид.

– Коснись моей девочки, Давид.

– Благослови!

– Коснись!

– Коснись!

Давид (*поднимая руки к небу*). О Ханна и Вениамин, о Рафаил и мой маленький Мойше... (*Смотрит вниз и протягивает руки к детям.*) О мои маленькие птички, умершие на голых ветвях зимы... О дети, деточки, маленькие деточки... Ну и что же, Нуллюс, разве я не плачу? Разве я не плачу, Нуллюс? Ну – и пусть плачут все. Ну-и пусть играют музыканты, Нуллюс, – я же понял теперь! О деточки, маленькие деточки, я же свое вам дал, я вам дал мое старое сердце, я вам дал печаль и радость мою – не всю ли им душу я отдал, Нуллюс?

Плач и смех, похожий на слезы.

Вновь вырвал ты мою душу из пасти греха, Нуллюс. В день радости я мрачным стал перед народом, в день ликования его не к небу, а к земле опустил я

взоры, старый, плохой человек. Кого я обмануть хотел моим притворством? Разве дни и ночи не живу я в восторге и полными пригоршнями не черпаю любви и счастья? Зачем же притворялся я печальным?.. Я не знаю твоего имени, женщина, дай мне твоего ребенка, вот этого, который смеется, когда все плачут, потому что он один умный. *(Улыбаясь сквозь слезы.)* Или ты боишься, что я, как цыган, украду его?

Женщина становится на колени и протягивает Давиду ребенка.

Женщина. Берите, Давид. Все принадлежит вам, и мы и дети наши.

Вторая женщина. И моего возьмите, Давид!

Третья. Моего, моего!

Давид *(берет ребенка и прижимает к груди, окутывая седую бородою).*

Тс... борода! Ай, какая страшная борода! Но ничего, мой маленький, прижмись крепче и смейся – ты самый умный. Сура, жена, подойди сюда.

Сура *(плача).* Я здесь.

Давид. Отойдем с тобою немного. Я отдам вам, женщина, ребенка, я только немного подержу его. Отойдем же, Сура. Перед тобой мне не стыдно плакать ни слезами горя, ни слезами радости.

Отходят к стороне, и оба тихонько плачут. Видны только их старые согнутые спины и красный платок

Давида, которым он вытирает глаза и мокрое от слез лицо ребенка.

Голоса. Тише. Тише.

– Они плачут.

– Не мешайте им плакать.

– Тише. Тише.

Анатэма на цыпочках, шепча: «Тише, тише», – подходит к музыкантам и о чем-то толкует с ними, дирижируя рукою. Понемногу шум растет. Уже давно, с полными стаканами в руках, ждут Бескрайний, Пурикес и Сонка.

Давид (*возвращается, вытирает глаза платком*). Натэ вам вашего ребенка, женщина. Он нам совсем не понравился, не правда ли, Сура?

Сура (*плача*). У нас уже не будет больше детей, Давид.

Давид (*улыбаясь*). Но, но, Сура. Разве все дети, какие есть в мире, не наши? У того нет детей, у кого их трое, шестеро и даже двенадцать, но не у того, кто не знает им счета.

Сонка. Выкушайте стакан содовой воды, почтенный Давид Лейзер, – это ваша вода.

Пурикес. Выкушайте, Давид, стакан, это принесет мне покупателя.

Бескрайний. Выпейте стакан боярского квасу, Давид. Теперь это настоящий боярский квас. Я могу ска-

зять это смело: с вашими деньгами все становится настоящим.

Сура (*сквозь слезы, улыбаясь*). Ну, я всегда же вам говорила, Иван, что у вас плохой квас. А теперь, когда настоящий, – вы мне не предлагаете?

Бескрайний. Ах, Сура...

Давид. Она шутит, Иван. Благодарю вас, но я не могу выпить столько и попробую у каждого. Очень-очень хорошая вода, Сонка! Вы открыли секрет и скоро разбогатеете.

Сонка. Я кладу немножко больше соды, Давид.

Странник (*Анатэме тихо*). Правда ли, вы – близкий друг Давида Лейзера и скажете мне это? Правда ли, что он хочет построить...

Анатэма. Зачем так громко! Отойдем немного к стороне.

Шепчутся. Анатэма отрицательно кивает головой, – он правдив, – но улыбается и гладит старика по спине. И видно, что старик не верит ему. В течение дальнейшего Анатэма понемногу уводит музыкантов, шарманщика и народ за столбы, где их не видно – но слышен шум, восклицания, смех, короткие звуки как бы настраиваемых инструментов. Немногие оставшиеся почтительно беседуют с Давидом.

Хессин. Правда ли, Давид, что вы с Сурю уезжаете в Иерусалим, святой город, о котором мы можем

только мечтать?

Давид. Да, это правда, Абрам. Хотя я стал здоровее, и уже совсем не болит у меня грудь...

Хессин. Но это же чудо, Давид?

Давид. Радость дает здоровье, Абрам, а служение богу укрепляет его. Но все же нам с Сурою недолго жить и хотелось бы отдохнуть взорами на невиданной красоте божией земли. Но зачем, старый друг, ты снова говоришь мне «вы», неужели ты еще не простил меня?

Хессин (*испуганно*). Ой, не говорите, Давид. Если вы потребуете: скажи мне «ты» или убей себя, то я лучше себя убью, а «ты» не скажу. Вы – не простой человек, Давид.

Давид. Да. Я не простой человек. Я счастливый человек. Но где же веселый человек, Нуллюс, я что-то не вижу его... Ну, конечно, он готовит какую-нибудь шутку – я знаю его. Вот кто не омрачает лица земли унынием, Абрам, и не противится смеху, который на жизни, как роса на траве, и в лучах солнца сверкает многоцветно. Ну, конечно, он шутит – вы послушайте.

За столбами играет музыка; оркестр и шарманка с великим азартом исполняют ту музыкальную вещь, которую раньше играла одна только шарманка.

Звуки разорваны, немного дики, немного нелепы, но странно-веселы.

Бестолково свистит флейта, напоминая свист старой шарманки, что-то хрипит, и криво, забираясь куда-то в сторону, ухает труба. Одновременно с музыкою показывается и народ, идущий сюда, – это целое торжественное шествие. Во главе его, рядом с угрюмо шагающим шарманщиком, идет танцующим шагом Анатэма: через плечо, на ремне – шарманка, рукоятку которой он вертит с величайшим усердием, пронзительно подсвистывая, дирижируя свободной рукой и бросая по сторонам и к небу приятные взгляды. За ним быстро таким же танцующим шагом идут музыканты и развеселившиеся бедняки. Проходя мимо Давида, Анатэма изгибает голову в его сторону и как бы к нему обращает весь свист свой, музыку и веселье. И так же изогнув шеи по направлению к Давиду, проходят музыканты и народ. И с шутливой укоризною, улыбаясь, Давид покачивает головою и расправляет свою седую, огромную бороду. Процессия скрывается.

Сура (*растроганная*). Какая красивая музыка! Как хорошо! Как торжественно! Давид, Давид, неужели все это – для тебя?

Давид. Для нас, Сура.

Сура. Ну, что я! Я только умею любить своих детей. А ты, а ты... (*С некоторым страхом.*) Вы – не простой человек, Давид!

Давид (*улыбаясь*). Так, так. Ну кто же я, – губернатор или даже генерал?

Сура. Не шутите, Давид. Вы – не простой человек! Странник, который все время оставался здесь и видел торжественную процессию, теперь прислушивается к словам Суры и утвердительно кивает головою. Появляется веселый, несколько запыхавшийся Анатэма.

Анатэма. Ну как. Давид? По-моему, очень недурно. Прошли очень хорошо – я даже не ожидал! Только эта дурацкая труба!.. (*Танцующим шагом, насвистывая, снова проходит перед Давидом, как бы восстановляя в его памяти происшедшее. Хохочет.*)

Давид (*благодарно*). Да, Нуллюс. Музыка была очень хорошая. Я еще никогда не слышал такой. Благодарю тебя, Нуллюс, – своею шуткою ты доставил большое удовольствие народу.

Анатэма (*к страннику*). А тебе понравилось, старик?

Странник. Понравилось. Ничего себе. Но то ли еще будет, когда все народы земли склонятся у ног Давида Лейзера.

Давид (*изумленно*). Что он говорит, Нуллюс?

Анатэма. Ах, Давид! Это даже трогательно: люди влюблены в вас, как невеста в жениха. Этот удивительный человек, пришедший за тысячу верст...

Странник. Больше.

Анатэма. Спрашивал меня: не творит ли Давид Лейзер чудес? Ну, – а я засмеялся, я засмеялся.

Хессин. И меня он спрашивал о том же, но мне не было смешно: длинно ухо ожидающего – ему поют и камни.

Странник. Только шаг короток у слепого, а мысли у него долги. *(Отходит и в дальнейшем, как тень, следит за Давидом.)*

Уже близко к закату солнце и обнимает землю теньями. Великой тишиной прощания исполнен воздух, и сонно ложится пыль – розовая, теплая, познавшая солнце. Завтра, серую, поднимут ее тяжелые колеса, немые, таинственные шаги шествующих призрачно явятся и исчезнут, и развеет ее ветер и унесет вода, – сегодня она лучится, расцветает пышно, покоится в мире и красоте розовая, теплая, познавшая солнце.

Абрам Хессин прощается с Давидом и уходит. Торговцы собирают товар, готовятся закрывать лавки. Тишина и покой.

Анатэма *(отдуваясь)*. Фу, наконец-то! Ну и поработали мы с вами, Давид, – одна эта труба *(закрывает уши)* чего стоит. *(Откровенно.)* Мое несчастье, Давид, – это ужасно тонкий, невыносимо тонкий слух, почти, да, почти как у собаки. Стоит мне услышать...

Давид. Я очень устал, Нуллюс, и хочу отдохнуть. И мне бы не хотелось сегодня видеть людей, и вы не обидитесь, мой старый друг...

Анатэма. Я понимаю. Я только провожу вас.

Давид. Идем же, Сура, – вдвоем с тобою в покое и радости хочу я провести остаток этого великого дня.

Сура. Вы не простой человек, Давид. Как вы догадались о том, чего я хочу?

Уходят по направлению к столбам. Давид останавливается, смотрит назад и говорит, опираясь рукою на плечо Суры.

Давид. Взгляни, Сура: вот место, где прошла наша жизнь, – как оно печально и бедно, Сура, бесприютностью пустыни дышит оно. Но не здесь ли, Сура, узнал я великую правду о судьбе человека? Я был нищ, одинок и близок к смерти, глупый, старый человек, у морских волн искавший ответа. Но вот пришли люди – и разве я одинок? Разве я нищ и близок к смерти? Послушайте меня, Нуллюс: смерти нет для человека. Какая смерть? Что такое смерть? Кто, печальный, выдумал это печальное слово-смерть? Может быть, она и есть, я не знаю – но я, Нуллюс... я бессмертен. *(Как бы пораженный светлым ударом, сгибается, но руки поднимает вверх.)* Ой, как страшно: я бессмертен! Где конец небу – я потерял его. Где конец человеку – я потерял его. Я – бессмертен. Ох, больно груди че-

ловека от бессмертия, и жжет его радость, как огонь. Где конец человеку – я бессмертен! Адэной! Адэной! Да славится во веки веков таинственное имя того, кто дает бессмертие человеку.

Анатэма (*торопливо*). Имя! Имя! Ты знаешь его имя? Ты обманул меня.

Давид (*не слыша*). Безграничной дали времен отдаю я дух человека: да живет он бессмертно в бессмертии огня, да живет он бессмертно в бессмертии света, который есть жизнь. И да остановится мрак перед жилищем бессмертного света. Я счастлив, я бессмертен – о боже!

Анатэма (*в исступлении*). Это ложь! О, докуда же я буду слушать этого глупца. Север и юг, восток и запад, я зову вас! Скорее, сюда, на помощь к дьяволу! Четырьмя океанами слез хлыньте сюда и в пучине своей схороните человека! Сюда! Сюда!

Никто не слышит воплей Анатэмы: ни Давид, весь озаренный восторгом бессмертия, ни Сура, ни другие люди, приковавшие свое внимание к его торжественно-светлому лику и воздетым к небу рукам. Одинок мечется Анатэма, заклиная. Слышится крик, – и на дорогу со стороны города выбегает женщина, раскрашенная страшно, подобно тому, как язычники раскрашивают трупы умерших. Чьей-то злой рукой истерзаны ее одежды, ужасные в дешевой нарядности своей,

и обезображено красивое лицо. Она кричит и плачет и зовет дико.

Женщина. О боже! Да где же Давид, раздающий богатство? Два дня и две ночи, два дня и две ночи по всему городу я ищу его, и молчат дома, и люди смеются. О, скажите мне, добрые, – не видали ль Давида, не видали ль Давида, радующего людей? О, но не смотрите же на мою открытую грудь – это злой человек разорвал мне одежды и окровавил мое лицо. О, да не смотрите же на мою открытую грудь: она не знала счастья питать невинные уста.

Странник. Давид здесь.

Женщина (*падая на колени*). Давид здесь? О, жальтесь надо мною, люди, и не обманывайте меня: я ослепла от обмана и от лжи оглохла я. Так ли я слышу, – Давид здесь?

Бескрайний. Да вон он стоит. Но ты опоздала, он уже роздал богатство.

Пурикес. Он уже роздал богатство.

Женщина. Что же вы делаете со мной, люди! Два дня и две ночи искала я его и меня обманывали, и вот я пришла поздно. Тогда я умру на дороге – мне некуда больше идти. (*Бьется в слезах на пыльной дороге.*)

Анатэма. Кажется, к тебе пришли, Давид.

Давид (*подходя*). Что надо этой женщине?

Женщина (*не поднимая головы*). Это ты, Давид, ра-

дующий людей?

Странник. Да, это он.

Давид. Да, это я.

Женщина (*не поднимая головы*). Я не смею взглянуть на тебя. Ты должен быть, как солнце. (*Нежно и доверчиво.*) О, Давид, как я долго искала тебя...

Меня все обманывали люди. Говорили, что ты уехал, что тебя нет совсем и не было никогда. Один мужчина сказал мне, что он Давид, и он показался мне добрым, и он поступил со мною, как грабитель.

Давид. Встань.

Женщина. О, дай мне отдохнуть у твоих ног. Как птица, перелетевшая море, – я избита дождем, я измучена бурями, я устала смертельно. (*Плачет; доверчиво.*) Теперь я спокойна, теперь я счастлива: я у ног Давида, радующего людей.

Давид (*нерешительно*). Но ты опоздала, женщина. Я уже роздал все, что имел, и у меня нет ничего.

Анатэма (*развязно*). Да! Все деньги розданы нами. Иди себе домой, женщина, – у нас нет ничего. Нам жаль тебя – но ты опоздала. Понимаешь – опоздала! Только сегодня утром мы отдали последнюю копейку.

Давид. Не так жестоко, Нуллюс.

Анатэма. Но ведь это же правда, Давид?

Женщина (*недоверчиво*). Этого не может быть. (*Поднимая глаза.*) Это ты, Давид? Какой ты добрый.

Это ты сказала, что я опоздала? Нет, это он – у него злое лицо. Давид, дай мне, пожалуйста, немного денег и спаси меня. Я устала смертельно. А вас зовут Сура? Вы жена его? О вас я также слыхала.

(Подползает к ней и целует ей платье.) Заступитесь за меня, Сура.

Сура *(плача)*. Дай ей денег, Давид. Встань, милая, тут очень пыльно, а у тебя такие красивые черные волосы. Посиди тут, отдохни. Давид сейчас даст тебе денег. *(Поднимает женщину и сажает подле себя на камень и прижимает к своей груди ее голову; ласкается.)*

Давид. Но что же мне делать? *(Растерянно, вытирая красным платком лицо.)* Но что же мне делать, Нуллюс? Ты такой умный человек, помоги мне.

Анатэма *(разводя руками)*. Ей-богу, не знаю. Вот запись – у нас нет ни копейки, и я честный адвокат, а не фальшивый монетчик, чтобы ежедневно доставлять вам наследство из Америки. *(Насвистывает.)* Мне нечего делать, и я гуляю по миру.

Давид *(возмущенно)*. Это жестоко, Нуллюс. Я не ожидал этого от вас. Но что же делать, что же делать? Анатэма пожимает плечами.

Сура. Посиди здесь, милая, я сейчас. Давид, отойдите со мною в сторону – мне нужно сказать вам.

Отходят и шепчутся.

Анатэма. Вас сильно били, женщина? По-видимому, это был не очень ловкий человек, который вас бил, – он таки не выбил глаза, как хотел.

Женщина (*закрываясь волосами*). Не смотрите на меня, люди.

Сура. Нуллюс, подите-ка сюда.

Анатэма (*подходя*). Здесь, госпожа Лейзер.

Давид (*тихо*). Сколько у нас денег, Нуллюс, чтобы доехать до Иерусалима?

Анатэма. Триста рублей.

Давид. Отдайте их женщине. (*Улыбаясь и плача.*) Сура не хочет уезжать в Иерусалим. Она хочет торговать здесь до самой смерти. Какая глупая женщина, не правда ли, Нуллюс? (*Сдержанно плачет.*)

Сура. Тебе очень больно, Давид? Ты так хотел поехать.

Давид. Какая глупая женщина, Нуллюс. Она не понимает, что я тоже хочу торговать. (*Плачет.*)

Анатэма (*растроганно*). Вы – не простой человек, Давид!

Давид. Это была моя мечта, Нуллюс, умереть в святом городе и приобщить свой прах к праху праведников, там погребенных. Но (*улыбаясь*) разве не везде добра земля к мертвецам своим? Отдайте деньги бедной женщине. Мне стало весело. Ну так как же, Сура? Нужно открывать лавочку и поучиться у Сонки,

как делать хорошую содовую воду.

Анатэма (*торжественно*). Женщина! Давид, радующий людей, дает тебе деньги и счастье.

Бескрайний (*Сонке*). Я же говорил тебе, что еще не все деньги розданы.

У него миллионы.

Странник (*прислушиваясь*). Так, так. Разве может Давид отдать все? Он только начал отдавать.

Женщина благодарит Давида и Суру; видно, как растроганный Давид кладет руки на голову коленопреклоненной женщины, как бы благословляя ее. За спиной его, со стороны поля, показывается на дороге что-то серое, запыленное, медленно и тяжело ползущее. В молчании подвигается оно, и трудно поверить, что это люди – так сравнила их серая придорожная пыль, так побратала их нужда и страдание. Что-то тревожное есть в их глухом, непреклонном движении – и беспокойно приглядываются люди с этой стороны.

Бескрайний. Кто это идет по дороге?

Сонка. Что-то серое ползет по дороге! Если это люди, то они не похожи на людей!

Пурикес. Ой, мне страшно за Давида! Он стоит к ним спиной и не видит.

А они идут, как слепые.

Сонка. Они сейчас сомкнут его. Давид, Давид, оглянитесь.

Анатэма. Поздно, Сонка! Давид вас не услышит.

Пурикес. Но кто это? Я боюсь их.

Странник. Это – наши! Это слепые с нашей стороны пришли за зрением к Давиду! *(Громко.)* Стойте, стойте, вы пришли! Давид среди вас!

Слепые, уже почти смявшие испуганного Давида, который тщетно пытается противостоять наплывающей волне, останавливаются и ищут безгласно.

Бессильно тянутся серыми руками, нащупывая мертвое пространство; некоторые уже отыскали Давида и быстро обегают его чуткими пальцами – и головами, подобными стону листвы под осенним ветром, еле колеблют застывший воздух.

Быстро наступившие сумерки скрадывают очертания предметов и съедают краски; и видно что-то безлицее, шевелящееся смутно, тоскующее тихо.

Слепые. Где Давид?

– Помогите найти Давида.

– Где Давид, радующий людей?

– Он здесь. Я уже чувствую его пальцами моими.

– Это ты, Давид?

– Где Давид?

– Где Давид?

– Это ты, Давид?

Испуганные голоса из тьмы.

Давид. Это я, Давид Лейзер. Что вам надо от меня?

Сура (*плача*). Давид, Давид, где ты? Я не вижу тебя.

Слепые (*смыкаясь*). Вот Давид.

– Это ты, Давид?

– Давид.

– Давид.

Занавес

Пятая картина

Высокая, строгая, несколько мрачная комната – кабинет Давида Лейзера в богатой вилле, где он доживает последние дни. В комнате два больших окна: одно, напротив, выходит на дорогу к городу; другое, в левой стене, выходит в сад. У этого окна большой рабочий стол Давида, в беспорядке заваленный бумагами: тут и маленькие листки с прошениями от бедных, записочки, наскоро сшитые длинные тетради; тут и большие толстые книги, похожие на бухгалтерские. Под столом и возле него клочки разорванных бумаг; распластавшись и подвернув под себя листы, похожая на крышу дома, который разваливается, валяется корешком вверх огромная Библия в старинном кожаном переплете. Несмотря на жару, в камине горят дрова – у Давида Лейзера лихорадка, ему холодно.

Вечереет. Сквозь опущенные завесы в окна еще пробивается слабый сумеречный свет, но в комнате уже темно. И только маленькая лампочка на столе выхватывает из мрака белые пятна двух седых голов: Давида Лейзера и Анатэмы.

Давид сидит за столом. Давно не чесанные седые волосы и борода придают ему дикий и страшный

вид; лицо измучено, глаза открыты широко; схватившись обеими руками за голову, он напряженно вглядывается сквозь большие очки-лупы в стальной оправе в исчерченную карандашом бумагу, отбрасывает ее, хватается за другую, судорожно перелистывает толстую книгу. И, держась рукою за спинку его кресла, стоит над ним Анатэма. Он как будто не замечает Давида – так он неподвижен, задумчив и строг. Шутки кончились, и, как жнец перед жатвою, уходит он взором в тревожную безграничность полей. Окна закрыты, но сквозь стекла и стены доносится сдержанный гул и отдельные вскрики. И медленно нарастает он, колеблясь в силе и страстности: то призванные Давидом осаждают жилище его. Молчание.

Давид. Оно расплылось, Нуллюс! Гора, достигавшая неба, раскололась на камни, камни превратились в пыль, и ветер унес ее – где же гора, Нуллюс?

Где же миллионы, которые ты мне принес? Вот уже час я ищу в бумагах копейку, одну только копейку, чтобы дать ее просящему, и ее нет... Что это валяется там?

Анатэма. Библия.

Давид. Нет, нет, вон там, в бумагах? Подай сюда. Это ведомость, которую, кажется, я еще не смотрел. Вот будет счастье, Нуллюс! *(Напряженно смотрит.)*

Нет, все перечеркнуто. Смотри, Нуллюс, смотри: сто, потом пятьдесят, потом двадцать, – потом одна копейка. Но не могу же я отнять у него копейку?

Анатэма. Шесть, восемь, двадцать – верно.

Давид. Да нет же, Нуллюс: сто, пятьдесят, двадцать – копейка. Оно расплылось, оно утекло сквозь пальцы, как вода. И уже сухи пальцы – и мне холодно, Нуллюс!

Анатэма. Здесь жарко.

Давид. Я тебе говорю, Нуллюс, здесь холодно. Подбрось поленьев в камин... Нет, погоди. – Сколько стоит полено?.. О, оно стоит много, отложи его, Нуллюс, – этот проклятый огонь пожирает дерево так легко, как будто не знает он, что каждое полено – жизнь. Постой, Нуллюс... у тебя прекрасная память, ты не забываешь ничего, как книга, – не помнишь ли ты, сколько я назначил Абраму Хессину?

Анатэма. Сначала пятьсот.

Давид. Ну да, Нуллюс, – он же мой старый друг, мы играли вместе! И для друга это совсем не много – пятьсот. Ну да, конечно, он мой старый друг, и, наверно, я пожалел его и до конца оставил ему больше, нежели другим, – ведь дружба такое нежное чувство, Нуллюс. Но нехорошо, если из-за друга человек обижает чужих и далеких – у них нет друзей и защиты. И мы урежем у Абрама Хессина, мы совсем немного

урежем у Хессина... *(Со страхом.)* Скажи, сколько теперь я назначил Авраму?

Анатэма. Одну копейку.

Давид. Этого не может быть! Скажи, что ты ошибся! Пожалей меня и скажи, что ты ошибся, Нуллюс! Этого не может быть – Аврам мой друг – мы с ним играли вместе. Ты понимаешь, что это значит, когда дети играют вместе, а потом они вырастают и у них становятся седые бороды, и вместе улыбаются они над минувшим. У тебя также седая борода, Нуллюс...

Анатэма. Да, у меня седая борода. Ты назначил Авраму Хессину одну копейку.

Давид *(хватает Анатэму за руку, шепотом)*. Но она сказала, что ребенок умрет, Нуллюс, – что он уже умирает. Пойми же меня, мой старый друг: мне необходимо иметь деньги. Ты такой славный, ты *(глядит ему руку)* такой добрый, ты помнишь все, как книга, – поищи еще немного.

Анатэма. Опомнись, Давид, тебе изменяет разум. Уже двое суток ты сидишь за этим столом и ищешь то, чего нет. Выйди к народу, который ждет тебя, скажи ему, что у тебя нет ничего, и отпусти.

Давид *(гневно)*. Но разве уже десять раз не выходил я к народу и не говорил им, что у меня нет ничего? – Ушел ли хоть один из них? Они стоят и ждут, и тверды в горе своем, как камень, настойчивы, как дитя

у груди матери. Разве спрашивает дитя, есть ли в груди матери молоко? Оно хватается сосцы зубами и рвет их беспощадно. Когда я говорю, они молчат и слушают, как разумные; когда же умолкаю я – в них вселяется бес отчаяния и нужды и вопит тысячью голосов. Не все ли я им отдал, Нуллюс? Не все ли выплакал я слезы? Не всю ли кровь из сердца я отдал им? – Чего же они ждут. Нуллюс?

Чего они хотят от бедного еврея, который уже истощил свою жизнь?..

Анатэма. Они ждут чуда, Давид.

Давид (*вставая, со страхом*). Молчи. Нуллюс, молчи – ты искушаешь бога.

Кто я, чтобы творить чудеса? Опомнись, Нуллюс. Могу ли я из одной копейки сделать две? Могу ли я подойти к горам и сказать: горы земли, станьте горами хлеба и утолите голод голодных? Могу ли я подойти к океану и сказать: море воды, соленой, как слезы, стань морем молока и меда и утоли жажду жаждущих? Подумай, Нуллюс!

Анатэма. Ты видел слепых?

Давид. Только раз я осмелился поднять глаза – но я видел странных серых людей, которым плюнул кто-то белым в глаза, и они ощупывают воздух, как опасность, и земли боятся, как страха. Чего им надо, Нуллюс?

Анатэма. Видел ли ты больных и увечных, у которых не хватает членов, и они ползают по земле? Изпод земли выходят они, как кровавый пот, – трудится ими земля.

Давид. Молчи, Нуллюс!

Анатэма. Видел ли ты людей, которых жжет совесть: темно их лицо и как бы огнем опалено оно, а глаза окружены белым кольцом и бегают по кругу, как бешеные кони? Видел ли ты людей, которые смотрят прямо, а в руках имеют длинные посохи для измерения пути? – Это ищущие правды.

Давид. Я не смел глядеть больше.

Анатэма. Слышал ли ты голос земли, Давид?

Входит Сура и боязливо приближается к Давиду.

Давид. Это ты, Сура? Затворяй двери крепко, не оставляй щели за собою.

Чего тебе надо, Сура?

Сура (*со страхом и верою*). Разве не все еще готово, Давид? Поторопись же и выйди к народу: он уже устал ждать, и многие боятся смерти. Отпусти этих, ибо идут новые, Давид, и уже скоро не останется места, где бы мог стать человек. И уже истощилась вода в фонтанах, и не несут из города хлеба, как ты приказал, Давид.

Давид (*поднимая руки. с ужасом*). Проснись, Сура, лукавыми сетями опутал тебя сон, и безумием любви

отравлено сердце. Это я, Давид!.. *(Со страхом.)* И я не приказывал принести хлеба.

Сура. Если еще не готово, Давид, то они могут подождать. Но прикажи зажечь огни и дать постилок для женщин и детей: ибо уже скоро наступит ночь и охолодеет земля. И прикажи дать детям молока – они голодны. Там, вдали, мы слышали топот многочисленных ног: то не стада ли коров и коз, у которых вымя отвисло от молока, гонят сюда по твоему приказу?

Давид *(хрипло)*. О, боже мой, боже!..

Анатэма *(Сура тихо)*. Уйдите, Сура: Давид молится. Не мешайте его молитве.

Сура так же боязливо и осторожно уходит.

Давид. Пощады! Пощады!

Гул за окнами утихает – затем сразу становится шумным и грозным: это Сура известила народу, что необходимо ждать еще.

(Падая на колени.) Пощады! Пощады!

Анатэма *(повелительно)*. Встань, Давид! Будь мужем перед лицом великого страха. Не ты ли призвал их сюда? Не ты ли голосом любви громко воззвал в безмолвие и тьму, где почивает неизреченный ужас? И вот они пришли к тебе – север и юг, восток и запад, и четырьмя океанами слез легли у ног твоих.

Встань же, Давид! *(Поднимает Давида.)*

Давид. Что же мне делать, Нуллюс?

Анатэма. Скажи им правду.

Давид. Что же мне делать, Нуллюс? Не взять ли мне веревку и, повесив на дереве, не удавиться ли мне, как тому, кто предал однажды? Не предатель ли я, Нуллюс, зовущий, чтобы не дать, любящий, чтобы погубить? Ой, как болит сердце!.. Ой, как болит сердце, Нуллюс! Ой, холодно мне, как земле, покрытой льдом, а внутри ее жар и белый огонь. Ой, Нуллюс, – видал ли ты белый огонь, на котором чернеет луна и солнце сгорает, как желтая солома!

(Мечется.) Ой, спрячь меня, Нуллюс. Нет ли темной комнаты, куда не проник бы свет, нет ли таких крепких стен, где не слышал бы я этих голосов? Куда зовут они меня? Я же старый, больной человек, я же не могу мучиться так долго – у меня же самого были маленькие дети, и разве не умерли они? Как их звали, Нуллюс? Я забыл. Кто этот, кого зовут Давид, радующий людей?

Анатэма. Так звали тебя, Давид Лейзер. Ты обманут, Лейзер, ты обманут, как и я!

Давид *(умоляя)*. Ой, заступитесь же за меня, господин Нуллюс. Пойдите к ним и скажите громко, чтобы все слышали: Давид Лейзер – старый больной человек, и у него нет ничего. Они вас послушают, господин Нуллюс, у вас такой почтенный вид, и они уйдут по домам.

Анатэма. Так, так, Давид. Вот уже ты видишь правду и скоро скажешь ее людям. Х-ха! Кто сказал, что Давид Лейзер может творить чудеса?

Давид (*складывая руки*). Да, да, Нуллюс.

Анатэма. Кто смеет требовать от Лейзера чудес, разве он не старый больной человек – смертный, как и все?

Давид. Да, да, Нуллюс, человек.

Анатэма. Не обманула ли Лейзера любовь? Она сказала: я сделаю все – и только пыль подняла на дороге, как слепой ветер из-за угла, который вырывается с шумом и ложится тихо... который слепит глаза и тревожит сор.

Так пойдите же к тому, кто дал Давиду любовь, и спросите его: зачем ты обманул брата нашего Давида?

Давид. Да, да, Нуллюс! Зачем человеку любовь, когда она бессильна?

Зачем жизнь, если нет бессмертия?

Анатэма (*быстро*). Выйди и скажи им это – они послушают тебя. Они поднимут свой голос к небу, и мы услышим ответ неба, Давид! Скажи им правду, и ты поднимешь землю.

Давид. Я иду, Нуллюс! И я скажу им правду, – я никогда не лгал. Открой двери, Нуллюс.

Анатэма поспешно распахивает дверь на балкон

и почтительно пропускает Давида, который идет, нахмурившись, поступью медленной и важной. Закрывает за Давидом дверь. Мгновенный рев сменяется могильной тишиной, в которой невнятно и слабо дрожит голос Давида. И в иступлении мечется по комнате Анатэма.

Анатэма. А! Ты не хотел слушать меня – так послушай же их. А! Ты заставлял меня ползать на брюхе, как собаку. Ты не позволял мне заглянуть даже в щель!.. Ты молчанием смеялся надо мною!.. Неподвижностью убивал меня. Так слушай же – и возрази, если можешь. Это не дьявол говорит с тобою, это не сын зари возвышает свой смелый голос – это человек, это твой любимый сын, твоя забота, твоя любовь, твоя нежность и гордая надежда...

извивается под твоею пятою, как червь. Ну? Молчишь? Солги ему громом, молниями обмани его, как смеет смотреть он в небо? Пусть как Анатэма...

(Поет.) Бедный, обиженный Анатэма, который ползает на брюхе, как собака...

(Яростно.) Пусть снова уползет человек в свою темную нору, сгинет в безмолвии, схоронится во мраке, где почивает неизреченный ужас!

За окнами снова многоголосый рев.

Слышишь? *(Насмешливо.)* Это не я. Это – они. Шесть, восемь, двадцать – верно. У дьявола всегда

верно...

Распахивается дверь, и вбегает Давид, охваченный ужасом. За ним волною врывается крик. Давид запирает дверь и придерживает ее плечом.

Давид. Помогите, Нуллюс! Они сейчас ворвутся сюда – дверь такая непрочная, они сломают ее.

Анатэма. Что они говорят?

Давид. Они не верят, Нуллюс. Они требуют чуда. Но разве мертвые кричат? – Я видел мертвых, которых принесли они.

Анатэма (*яростно*). Тогда солги им, еврей!

Давид отходит от двери и говорит таинственно в смущении и страхе.

Давид. Вы знаете, Нуллюс, со мною что-то делается: у меня нет ничего, но вот вышел я к ним, но вот – увидел я их и вдруг почувствовал, что это неправда – у меня есть что-то. И говорю – а сам не верю, говорю – а сам стою с ними и кричу против себя и требую яростно. Устами я отрекаюсь, а сердцем обещаю, а глазами кричу: да, да, да. – Что же делать, Нуллюс?

Скажите, вы знаете наверное: у меня нет ничего?

Анатэма улыбается. За дверью справа голос Суры и стук.

Сура. Впустите меня, Давид.

Давид. О, не открывайте дверь, Нуллюс.

Анатэма. Это жена твоя, Сура. (*Отворяет.*)

Входит Сура, ведя за руку бедную женщину, у которой что-то на руках.

Сура (*кратко*). Простите, Давид. Но эта женщина говорит, что она больше не может ждать. Она говорит, что если вы помедлите еще немного, то она не узнает в воскресшем своего ребенка. Если вам нужно знать имя – то его звали Мойше, маленький Мойше. Он черненький – я смотрела.

Женщина (*падая на колени*). Простите, Давид, что я отнимаю очередь у людей. Но там есть, которые умерли недавно, а я уже три дня и три ночи несу его на груди. Может быть, вам нужно на него взглянуть? Тогда я открою – ведь я не обманываю вас, Давид.

Сура. Я уже смотрела, Давид. Она мне давала его поддержать. Она очень устала, Давид.

Простерши руки ладонями вперед, Давид медленно отступает, пока не наткнется на стену. Так и остается с протянутыми руками.

Давид. Пощады! Пощады!

Обе женщины ждут терпеливо.

Что же мне делать? Я изнемогаю, о, боже, Нуллюс, скажите им, что я не воскрешаю мертвых.

Женщина. Я умоляю вас, Давид. Разве я прошу у вас, чтобы вы вернули жизнь старому человеку, который уже много жил и заслужил смерть дурными делами? Разве я не понимаю, кого можно воскрешать и

кого нельзя? Но, может быть, вам трудно, потому что он умер так давно? – Я не знала этого, – простите меня, но я же обещала ему, когда он умирал: – не бойся, Мойше, умирать – Давид, радующий людей, вернет тебе твою маленькую жизнь.

Давид. Покажи мне его. *(Смотрит, качая головой, и плачет тихонько, вытираясь красным платком; и доверчиво, опершись на его плечо, смотрит Сура.)*

Сура. Сколько ему лет?

Женщина. Два года, уже третий.

Давид оборачивает к Анатэме заплаканное, почти безумное лицо и говорит чужим голосом.

Давид. Не попробовать ли мне, Нуллюс? *(Но вдруг сгибается и кричит хрипло.)* Адэной!.. Адэной!.. Прочь отсюда! Прочь! Тебя прислал дьявол. Да скажите же им, Нуллюс, что я не воскрешаю мертвых. Они смеяться надо мною пришли! Смотрите, вон они Хоточут обе. Прочь отсюда! Прочь!

Анатэма *(Суре тихо).* Уходите, Сура, и уведите женщину. Давид еще не совсем готов.

Сура *(шепотом).* Я проведу ее к себе. Тогда скажите Давиду, что она в моей комнате. *(К женщине.)* Пойдемте, женщина, – Давид еще не совсем готов.

Уходят. Давид в изнеможении садится на кресло и бессильно опускает седую голову. Тихонько причитает что-то.

Анатэма. Они ушли, Давид. Вы слышите, они ушли. Давид. Вы видели, Нуллюс: это был мертвый младенец? Ай-ай-ай-ай, это был мертвый, мертвый, мертвый младенец. Мойше... Ну да, Мойше, черненький; мы его смотрели...

(Громко, в тоске и отчаянии.) Что же мне делать? Научите меня, Нуллюс.

Анатэма *(быстро)*. Бежать.

Прислушивается к тому, что делается за окном, утвердительно кивает головой и медленно, с осторожностью заговорщика приближается к Давиду; и со сложенными молитвенно руками, с растерянно-доверчивой улыбкою ждет его приближения Давид. Спина его по-стариковски согнута, он часто вынимает свой красный платок, но не знает, что с ним делать.

(Горячим шепотом.) Бежать, Давид, бежать.

Давид *(радостно)*. Да, да, Нуллюс, – бежать.

Анатэма. Я спрячу тебя в темной комнате, которой никто не знает, а когда они уснут, утомленные ожиданием и голодом, я проведу тебя среди спящих – и спасу тебя.

Давид *(радостно)*. Да, да, спаси меня.

Анатэма. А они будут ждать! Спящие, они будут ждать и грезить грезами великого ожидания, – а тебя уже нет!

Давид *(радостно кивая головой)*. А меня уже нет,

Нуллус. Я уже убежал, Нуллус. (*Хохочет.*)

Анатэма (*хохочет*). А тебя уже нет! Ты уже убежал!
Пусть же тогда поговорят они с небом.

Смотрят друг на друга и хохочут.

(*Дружески.*) Так подожди меня, Давид. Я сейчас выйду и посмотрю:

свободен ли дом. Ведь они такие безумцы!

Давид. Да, да, посмотри. Ведь они такие безумцы!
А я пока przygotowуюсь, Нуллус... Но, прошу тебя, не оставляй меня долго одного.

Анатэма выходит. Давид осторожно, на цыпочках подходит к окну и хочет заглянуть, но не решается; идет к столу – но пугается разбросанных бумаг и, стараясь не наступить ни на одну из них, словно танцуя среди мечей, пробирается к углу, где висит его платье; торопливо, путая одежду, начинает одеваться. Долго не знает, что делать ему с бородою, и, догадавшись, начинает запихивать ее за борты сюртука, скрывать под сюртуком.

(*Бормочет.*) Ну да. Нужно спрятать бороду. Все дети знают мою бороду.

Но только зачем они не вырвали ее? Так, так, борода... Но какой черный сюртук! Ничего, ничего, ты ее спрячешь. Так, так. У Розы было зеркало... Но Роза убежала, а Наум тоже умер, а Сура... Ах, ну что же не идет Нуллус?

Разве он не слышит, как они кричат?..

В дверях осторожный стук.

(Испуганно.) Кто там? Давида Лейзера здесь нет.

Анатэма. Это я, Давид, впусти. *(Входит.)*

Давид. Ну как, Нуллюс? – не правда ли, меня совсем нельзя узнать?

Анатэма. Очень хорошо, Давид. Но только я не знаю, как мы выйдем: Сура весь дом наполнила гостями: во всех комнатах, где я ни был, вас с приятною улыбкой ждут слепые, увечные; есть и умирающие, есть и совсем мертвые, Давид. Ваша Сура великолепная женщина, но она слишком хозяйка, Давид, и намерена сделать прекрасное хозяйство из чудес.

Давид. Но она не смеет, Нуллюс!

Анатэма. Многие уже спят у ваших дверей и улыбаются во сне – самоуверенные счастливцы, сумевшие опередить других... А в саду и во дворе...

Давид *(со страхом)*. Что еще во дворе?

Анатэма. Тише, Давид. Смотрите и слушайте.

Гасит в комнате огонь и затем раздергивает драпри: четырехугольники окон наливаются дымно-красным, клубящимся светом; в комнате темно, – но все белое: голова Давида, разбросанные листки бумаги, окрашенные слабым кровавым цветом.

И уродливые, дымно-багровые тени безмолвно движутся по потолку; машут руками, сталкиваются,

вдруг сплетаются в длинную вереницу, не то бегут быстро, не то предаются дикому и страшному танцу. А из глубокой дали приносится новый, еще не слышанный гул, – если бы море вышло из берегов и двинулось на сушу, то так бы грохотало оно: сдержанно, неотвратимо и грозно.

Давид (*испуганно, шепотом*). Что это за огонь, Нуллюс? Мне страшно.

Анатэма (*также шепотом*). Ночь холодна, и они зажгли костры. Сура сказала, что ждать еще долго, и они приняли меры.

Давид. Откуда они взяли дерево?

Анатэма. Что-нибудь сломали. Сура сказала, что ты приказал развести костры, и они покорно жгут дерево, какое есть... А там, Давид, дальше, еще дальше...

Давид (*в отчаянии*). Что, Нуллюс? Что может быть еще дальше, еще дальше?

Анатэма. Не знаю, Давид. Но из верхнего окна, открытого широко, я слышал как бы рев океана в час прибоя, когда дрожат от боли скалы; как бы рев медных труб слышал я, Давид, – они кричат к небу и к вам и зовут вас...

Вы слышите?

В сдержанном гуле и хаосе звуков как бы вычерчивается протяжно и долго:

Да-а-ви-и-д, Да-а-ви-и-д, Да-а-ви-и-д.

Давид. Я слышу свое имя. Кто это? Чего им надо?

Анатэма. Не знаю. Быть может, они хотят венчать тебя на царство.

Давид. Меня?

Анатэма. Тебя, Давид Лейзер. Быть может, они несут могущество и власть – и силу творить чудеса, – не хочешь ли стать их богом, Давид? Смотри и слушай. *(Распахивает окна.)*

И сразу в клубах огненного дыма победной и сильной волной вливается отдаленная музыка – медный крик многочисленных труб, которые несут в высоко приподнятых руках, ибо к земле и небу обращен их призывный вопль. Смолкают трубы. Топот движущихся полчищ, призывный вопль бесчисленных голосов:

Да-а-ви-и-д, Да-а-ви-и-д – переходит в аккорды, становится песней. И снова трубы. И снова настойчивый, грозный и властный призыв: Да-а-ви-и-д, Да-а-ви-и-д.

При первых звуках труб Давид, пошатнувшись, прижался к стене; затем шаг за шагом – все смелее – все быстрее – все прямее он подвигается к окну.

Взглядывает – и, оттолкнув Анатэму, протягивает обе руки навстречу бедным земли.

Давид *(зовет)*. Сюда! Сюда! Ко мне. Я здесь. Я с вами.

Анатэма (*изумленно*). Что? Ты их зовешь? – Ты – их – зовешь? Опомнись, Лейзер!

Давид (*гневно*). Молчи – ты не понимаешь! Мы люди, и мы пойдем вместе!

(*Восторженно.*) И мы пойдем вместе! Сюда, братья, сюда. Смотри, Нуллюс, – они подняли головы, они смотрят, они услышали. Сюда, сюда!

Анатэма. Ты будешь творить чудеса?

Давид (*гневно*). Молчи – ты чужой. Ты говоришь, как враг бога и людей.

Ты не знаешь ни жалости, ни пощады. Мы истомились, мы устали – и уже мертвые устали ждать. Сюда – и мы пойдем вместе. Сюда!

Анатэма (*вглядываясь*). Не слепые ли указывают им путь?

Давид. Кому же надо зрение, как не слепым? Сюда, слепые!

Анатэма (*вглядываясь*). Не безногие ли бороздят дорогу и глотают пыль?

Давид. Кому же дорога, как не безногим? Сюда, увечные!

Анатэма (*вглядываясь*). Не мертвых ли несут они на носилках, покачиваясь мерно? Всмотрись, Давид, и осмелюсь сказать: сюда, ко мне. Я тот, кто воскрешает мертвых...

Давид (*терзаясь*). Ты не знаешь любви, Нуллюс.

Анатэма. Я тот, кто возвращает зрение слепым! (*В окно, громко.*) Сюда!

Народы земли, взыскующие бога, стекитесь все к ногам Давида – он здесь!

Давид. Тише.

Анатэма. Эй, сюда! Тоскующие матери-отцы, потерявшие рассудок от горя – братья и сестры, в корчах голода пожирающие друг друга... сюда, к Давиду, радующему людей.

Давид (*хватая его за плечо*). Вы с ума сошли, Нуллюс. Они могут услышать и ворваться сюда – что вы делаете, вы подумайте, Нуллюс!

Анатэма (*кричит*). Вас зовет Давид!

Давид (*с силой отталкивая его от окна*). Молчи! Я задушу тебя, если ты крикнешь хоть слово – собака!

Анатэма (*вырываясь*). Ты глуп, как человек: когда я зову бежать, ты проклинаешь меня. Когда зову любить – ты меня душишь. (*Презрительно.*)

Человек!

Давид (*дряхлея*). Ой, не губите же меня, господин Нуллюс. Ой, простите же меня, если я разгневал вас, старый глупый человек, потерявший память. Но ведь я же не могу – я не могу творить чудес!

Анатэма. Бежим...

Давид. Да, да, бежим. (*С недоверием.*) Но куда? Куда хотите вести меня, Нуллюс? Разве есть место на

земле, где не было бы... (*терзаясь*) бога?

Анатэма. Я к богу поведу тебя!

Давид. Я не хочу. Что скажет мне бог? И что я отвечу богу? И подумайте, Нуллюс, разве я могу теперь хоть что-нибудь ответить богу?

Анатэма. Я поведу тебя в пустыню. Мы оставим здесь этих злых и порочных людей, одержимых чесоткою страданий и заваливающих столбы и ограды, как свиньи, которые чешутся.

Давид (*нерешительно*). Но они же люди, Нуллюс.

Анатэма. Откажись от них и чистый стань в пустыне перед лицом бога.

Пусть камень будет твоим ложем, пусть воющий шакал станет другом твоим, пусть только небо и песок услышат покаянные стоны Давида – ни одного пятнышка чужого греха не выступит на чистом снеге его души. Кто остается с прокаженными, тот сам заболевает проказою – и только в одиночестве узришь ты бога. В пустыню, Давид, в пустыню.

Давид. Я буду молиться!

Анатэма. Ты будешь молиться.

Давид. Я изнурю тело постом!

Анатэма. Ты изнуришь тело постом.

Давид. Я посыплю голову пеплом!

Анатэма. Зачем? Так делают несчастные. Ты же будешь счастлив, Давид, в безгрешности твоей. В пу-

стыню, Давид, в пустыню!

Давид. В пустыню, Нуллюс, в пустыню!

Анатэма (*поспешно*). Бежим. Есть подвал, о котором никто не знает. Там валяются старые бочки и пахнет вином, и я спрячу тебя. А когда они уснут...

Давид. В пустыню! В пустыню!

Поспешно убегают. В комнате беспорядок и тишина. А в открытое окно, призывая, вновь несется крик медных труб, стоны и вопли поднявшейся земли:

Да-а-ви-и-д! И, подогнув листы, как дом, который разваливается, корешком вверх лежит Библия.

Медленно опускается занавес.

Шестая картина

Всю ночь и часть следующего дня Давид Лейзер скрывался в заброшенной каменоломне, куда привел его Анатэма, знающий места дикие и недоступные для взоров. К вечеру же, по совету Анатэмы, они вышли из убежища на большую дорогу и направили свой путь к востоку; но уже первый человек, встретивший Давида, узнал его, так велика была слава Давида, и не было женщины, ребенка или взрослого мужчины, которые не видели бы его сами или не знали о нем по описаниям. И узнавший Давида закричал от радости и побежал к городу, радостно возвещая, что потерянный найден. И уже через короткое время несметные полчища бедняков, осаждавших жилище Давида и близких к отчаянию, двинулись в погоню; к ним присоединились люди больших дорог и деревень и все, кто ищет бога. Полагая, что Давид бежал от народа не по своему желанию и воле, но был похищен князем Ужаса и Тьмы, бесчисленные друзья Давида решились отбить его у похитителя и предложить ему царство над всеми бедными землями. Давид же, испуганный ревом надвигавшейся погони, припал к Анатэме, прося у него спасения или смерти. И Анатэма, свернув с большой дороги, ввел

Давида в сеть маленьких тропинок, имеющих начало, но не имеющих конца, ибо кружатся они. Не было исхода, и уже начал отчаиваться Давид, когда хитрый Анатэма покинул наконец обманчивые тропинки; и вот пошли они прямо на гул далекого моря в надежде достать у рыбаков лодку и спастись или же погибнуть в волнах. И еще ночь и еще день блуждали они, и изнемог Давид от усталости:

ибо шли они прямо, и множество высоких оград, ручьев, глубоких рвов и других препятствий встречало их на пути. Уже близилось солнце к закату, когда, перелезши последнюю полуразрушенную ограду, достигли они берега моря, и ужаснулся Давид: то была высокая скала, не имевшая спуска и в то же время столь близкая к городу, что можно было разглядеть неясные очертания его строений.

И шестая картина такова: от левого угла сцены идет вверх и заворачивает вправо ломаная линия обрыва; внизу, налево, беспокойное море, поднимающее свой горизонт высоко. Справа по склону горы идет полуразрушенная каменная ограда с осыпавшимися камнями, за нею густой запущенный сад – среди деревьев два высоких черных кипариса. Буря еще не началась, но море и небо уже готовы принять ее. Море темно и местами почти совсем лишено блеска и как бы погружено в ночь, иными же

местами оно зыблется в зловещем и тусклом свете – словно тысячи змей, поблескивая холодной и влажной чешуею, играют меж собой и ударами хвостов поднимают брызги, производят шум и шипят сдержанно. А по небу темными тяжелыми гирями сваливаются за горизонт лохматые, как бы испуганные тучи. Гонимые верхним ветром, в быстроте движения своего они обгоняют багрово-красное солнце, плавно и тяжело соскальзывающее туда же, за линию горизонта; еле видимо оно сквозь плотную завесу облаков, и только временами пугает оно землю и море короткими взглядами налившихся кровью глаз – как великан, который наелся живого мяса и напился живой крови и сытый идет спать, но все еще оглядывается и ищет.

На земле еще тихо, но деревья уже предчувствуют ветер, который поднимается ночью, и вздрагивают листьями, словно изнутри шепчутся тихонько; и только черные кипарисы, цельные во всех частях своих, – неподвижны и молчаливы и крепко талят свист на своих острых вершинах.

При открытии занавеса на сцене пусто, затем через ограду перелезает Анатэма и помогает перебраться Давиду, который еле движется от слабости. Их черные широкие одежды грязны и местами порваны; в пути они оба потеряли шляпы, и седые

волосы Давида поднимаются на голове его, как белый прибор у скалы.

Анатэма. Скорей, скорей, Давид. Они гонятся за нами по пятам. В этом черном саду, где так тихо, я слышал отдаленный гул с этой стороны – как будто там другое море. Скорее, Давид.

Давид. Я не могу, Нуллюс. Положите меня здесь, чтобы я умер.

Анатэма. Ставьте ногу сюда, на этот камень. Осторожнее.

Давид. Перед моими глазами тропинки, которые кружатся и приводят к стене. Потом стена, Нуллюс, и этот темный ров, где лежит издохшая и вздутая лошадь... Куда мы пришли, Нуллюс?

Анатэма. Мы у моря. У рыбаков возьмем мы лодку и отдадимся волнам – скорее у безумных волн вы найдете пощаду, Давид, чем у людей, которые сошли с ума.

Давид. Да. Лучше умереть. *(Ложится у ограды.)* Мне пятьдесят восемь лет, Нуллюс, и мне необходим отдых... Но кто был этот человек, который встретил нас на большой дороге и обрадовался так страшно и побежал с криком: Вот Давид, радующий людей. Откуда он знает меня? Я его не видел ни разу.

Анатэма *(делая вид, что осматривает берег)*. Ваша слава велика, Давид... Странно, я не нахожу спус-

ка.

Давид (*закрывая глаза*). Кипарисы почернели – к ночи будет ветер, Нуллюс. Нам нужно было остаться в каменоломне: там темно и тихо, и я там спал, как человек с чистой совестью. (*Ворчливо.*) Ну что же ты молчишь, Нуллюс? Или мне разговаривать одному, как будто я уже в пустыне?

Анатэма. Я ищу.

Давид (*недовольно*). Ну чего еще искать там? – Уже довольно искали мы сегодня и прыгали, как ученые собаки. Мне было стыдно, Нуллюс, когда я перелезал ограды, как маленький мальчик, ворующий яблоки. Идемте-ка лучше сюда, и расскажите что-нибудь такое о ваших путешествиях. Я слишком устал, чтобы спать.

Анатэма. Спать не придется, Давид. (*Подходя.*) Здесь нет спуска к морю.

Давид. Ну так что же? Поищите в другом месте.

Анатэма (*простирая руку по направлению к городу*). Всмотритесь, Давид, – что это белеет вдали?

Давид (*поднимая голову*). Я не вижу.

Анатэма. Это город, который ждет тебя. А теперь прислушайся: что там гудит вдали?

Давид (*прислушиваясь*). Это – ну, конечно, Нуллюс, это эхо морских волн.

Анатэма. Нет. Это люди, Давид, которые сейчас

придут сюда и потребуют от тебя чудес и предложат тебе царство над бедными землями. Когда мы прятались за камнями, я слышал, как двое людей, поспешавших в город, говорили о том, что ты похищен кем-то злым и тебя нужно отнять у похитителя и дать тебе царство.

Давид. Разве я не старый больной еврей, а кусок золота, чтобы меня похищать? Оставьте, Нуллюс, вы бредите, как и те... Я хочу спать.

Анатэма (*нетерпеливо*). Но они идут сюда.

Давид. Ну и пусть идут. Вы им скажите, что Давид уснул и не желает творить чудес. (*Укладывается удобно для сна.*)

Анатэма. Опомнитесь, Давид!

Давид (*упрямо*). Да, он не желает творить чудес. Спокойной ночи, Нуллюс. Я стар и не люблю болтать о пустяках.

Анатэма. Давид!

Давид не отвечает: засыпает, подложив обе руки под голову.

Проснитесь, Давид, сюда пришли. (*Злобно толкает уснувшего.*) Встань, тебе говорю! Ты притворяешься спящим – я не верю тебе. Слышишь? (*Сквозь зубы.*) Заснул – проклятое мясо! (*Отходит и прислушивается.*) Ха! Идут...

Идут – а их царь спит. Идут – а их чудотворец поживает сном лошади, на которой возят воду. Несут ко-

рону и смерть – а их жертва и властелин ловит ветер раскрытым ртом и чмокает сладко. О, жалкий род: в костях твоих измена, в крови твоей предательство, и в сердце твоём ложь! Лучше на текучую воду положитьсь и по волнам идти, как по мосту; лучше на воздух опереться, как на камень, – нежели изменнику вверить свой гордый гнев и горькие мечты. *(Подходит к Давиду и грубо расталкивает его.)* Встань!

Встань, Давид: пришла Сура – Сура – Сура.

Давид *(пробуждаясь)*. Это ты, Сура?.. Я сейчас, я очень устал, Сура...

Что это? Это вы, Нуллюс? А где же Сура, она сейчас звала меня? Как я устал, как я устал, Нуллюс.

Анатэма. Сура идет. Сура несет вам младенца.

Давид. Какого младенца? У нас же нет маленьких детей? Наши дети...

(Привстает и озирается испуганно.) Что такое, Нуллюс? Кто это кричит там?

Анатэма. Сура несет мертвого ребенка. Нужно, чтобы вы воскресили мертвого ребенка, Давид. Он черненький, его зовут Мойше – Мойше – Мойше.

Давид *(встает и топчется на пространстве нескольких шагов)*. Бежать, Нуллюс! Бежать! Где же дорога? Куда ты завел меня? *(Хватает Анатэму за руку.)* Послушай, как кричат они. Это они идут сюда, за мной – ой, спаси меня, Нуллюс!

Анатэма. Дороги нет. (*Удерживая Давида.*) Там пропасть.

Давид. Что же мне делать, Нуллюс? Не броситься ли вниз и раздробить голову о камни, – но разве я злодей, чтобы приходить к богу без зова? О, если бы призвал меня бог – быстрее стрелы понеслась бы к нему моя старая душа... (*Прислушивается.*) Кричат. Зовут, зовут, – отойдите, Нуллюс, я хочу молиться.

Анатэма (*отходит*). Но поторопитесь, Давид, они близко.

Давид (*падая на колени*). Ты слышишь? Они идут. Я люблю их, но горше ненависти моя любовь, и бессильна она, как равнодушие... Убей меня и встретить их сам. Убей меня – и встретить их милостиво, любовью твоей взыщи.

Телом моим утучни голодную землю и возрасти на ней хлеб, душою моею утоли печаль и смех возрасти. И радость – о, боже – радость для людей...

Слышно приближение огромной толпы; отдельных голосов еще нет – все сливается в один протяжный, ищущий крик.

Анатэма (*подходя*). Скорей, скорей, Давид, – они подходят.

Давид. Сейчас, сейчас. (*В отчаянии.*) Радость... Ну и что же еще? Одно только слово, одно только слово – но я забыл его. (*Плачет.*) О, как много слов – и

только одного не хватает... Но, может быть, тебе не нужно слов?

Анатэма. Только одного не хватает? Как странно. А они, кажется, нашли свое слово – ты слышишь, как они вопят. Дави-ид, Дави-ид. Встань же, Давид, и встреть их гордо: кажется, они начинают смеяться над тобою.

Давид встает. Снизу, очевидно, заметили его – крик переходит в громopodobный радостный рев. Кто-то, опередивший других, выбегает, кричит радостно: «Давид» – и, размахивая руками, убегает назад. Кровавым взглядом охватывает солнце высокий бугор, кипарисы и седую голову Давида и прячется за тучи, как глаз под завесой нахмуренных бровей. В одном месте море наливается кровью; словно смертоносная битва произошла в безмолвии пучины.

Давид (*отступая на шаг*). Мне страшно, Нуллюс. Это тот, что на дороге, с рыжей бородкой... Я боюсь его, Нуллюс.

Анатэма. Встреть их гордо. Правдою, правдою ударь их, Давид.

Давид. Только не оставляйте меня, Нуллюс, а то я опять забуду, где правда.

Снизу и через ограду показываются люди, бегущие торопливо. Они грязны, измучены, как Давид, и как будто слепы, но на лицах огненная радость; и вме-

сто слов один только торжествующий, немного хищный вой: Да-а-ви-и-д, Да-а-ви-и-д.

(Простирая руки.) Назад.

Его не слушают и лезут с тем же протяжным воплем; и до самых дальних рядов несется он, и, когда передние уже умолкают, где-то в глубокой дали, как тысячекратное эхо, замирает слабым стоном: Да-а-ви-и-д, Да-а-ви-и-д.

Анатэма *(дерзко)*. Куда? Назад-назад, вам говорят! Передние останавливаются в страхе.

Голоса. Стойте. Стойте. Кто это?

– Это Давид?

– Нет, это похититель!

– Похититель!

– Похититель!

Кто-то беспокойный. Тише. Тише. Давид хочет говорить. Слушайте Давида.

Умолкают; но вдали еще голоса протяжно: Да-ви-ид, Да-а-ви-и-д.

Давид. Что вам надо? Ну да, это я, Давид Лейзер, еврей из города, который и ваш город. Зачем вы преследуете меня, как вора, и криками пугаете меня, как грабителя?

Анатэма *(дерзко)*. Что вам надо? Ступайте отсюда. Мой друг Давид Лейзер не хочет вас видеть.

Давид. Да. Оставьте меня здесь умирать, ибо уже

к сердцу моему подходит смерть; и идите домой к женам вашим и детям. Я ничем не могу облегчить страдания вашего, идите. Так ли я сказал, Нуллюс?

Анатэма. Так, так, Давид.

Кто-то беспокойный. Наши жены здесь, и дети наши здесь. Вот они стоят и ждут твоего ласкового слова, Давид, радующий людей.

Давид. Уже не осталось во мне силы, и мне нечего сказать. Идите.

Женщина. Пройди немного вперед, Рувим, и поклонись господину нашему Давиду. Вы, наверно, помните его, Давид? – Поклонись же еще раз, Рувим!

Мальчик робко кланяется и вновь прячется в толпу. Добродушный смех.

Старик (улыбаясь). Это он вас боится, Давид. Не бойся, мальчик.

Сдержанный смех. Выступает странник.

Странник. Ты позвал нас, Давид, – и мы пришли. Уже давно мы ждали, безмолвные, твоего милостивого зова, и до самых дальних пределов земли разнесся твой клич, Давид. Почернели дороги от людей, шевельнулись глухие тропы, и узкие тропинки налились шагами, и скоро большими дорогами станут они – и как вся кровь, какая есть в теле, бежит к единому сердцу, так к тебе, единому, идут все бедные земли. Привет тебе, господин наш Давид, – землю и жизнью

своею кланяется тебе народ.

Давид (*мучаясь*). Чего вы хотите?

Странник (*тихо*). Справедливости.

Давид. Чего вы хотите?

Все. Справедливости.

Одно только слово – но будто гром прогремел над землею, и уже затих, близкий и далекий, и уже не знает человек: слышал ли он, сказал ли, подумал ли – или же не было ничего. Ожидание.

Давид (*с внезапной надеждой*). Скажите же, Нуллюс, скажите: разве справедливость – чудо?

Анатэма (*горько*). Там есть слепые – и они невинны. Там есть мертвые – и они невинны также. Гробами своими клянется тебе земля и тьмою приветствует тебя. Сотвори же чудо.

Давид. Чудо? Опять чудо?

Странник (*подозрительно и угрюмо*). И народ не хочет, чтобы ты говорил с тем, имени которого мы не смеем назвать. Он враг людей, и ночью, когда ты спал, он похитил тебя и унес на эту гору – но он не догадался похитить сердце у народа; и, стуча непрерывно, – привело нас сердце к тебе.

Анатэма (*надменно*). По-видимому, я лишний здесь?

Давид. Нет, нет. Не покидайте меня, Нуллюс. (*Мучаясь*.) Прочь, прочь отсюда. Вы искушаете бога – я

вас не знаю. Уйдите... Уйдите.

Анатэма (*коротко*). Прочь!

Голоса (*испуганно*). Давид гневается.

– Что же нам делать?

– Господин гневается?

– Давид гневается.

Старик. Зовите Суру.

Женщина. Суру зовите, Суру.

Голоса. Сура, Сура, Сура!

Уносится в дальние ряды: Сура, Сура.

Давид (*в ужасе*). Ты слышишь? Они зовут Суру.

Радостный голос. Сура идет.

Толпа становится смелее.

Абрам Хессин (*кланяется многократно*). Это я, Давид. Это я.

Здравствуйте, господин наш Давид.

Сонка (*улыбаясь и кланяясь многократно*). Здравствуйте. Ну так здравствуйте же, Давид.

Давид отворачивается и закрывает рукою лицо.

Анатэма (*равнодушно*). Прочь!

Общее смущение, прерванные улыбки, задержанные вздохи. Почтительно ведомая под руки, появляется Сура и так доходит до невидимой черты, которая отделяет Давида и за которую никто не смеет переступить. И дальше несколько шагов делает одна.

Обернитесь, Давид... Сура пришла.

Сура (*кратко*). Здравствуйте, Давид. Простите меня, что я беспокою вас, но люди просили меня переговорить с вами и узнать, когда вы пожелаете вернуться домой, в ваш дворец. И еще они просили, чтобы вы поторопились, Давид, ибо уже многие умерли от невыносимых страданий; и уже мертвецы устали ждать. И многие уже сошли с ума от невыносимых страданий и скоро начнут убивать; и если вы не поспешите, Давид, то все в народе станут врагами друг другу – и вам трудно будет построить царство на мертвой земле.

Горькие вопли в дальних рядах: Да-а-ви-и-д, Да-а-ви-и-д.

Давид (*сдержанно*). Прочь, Сура!

Сура (*кратко*). У вас разорвано платье, Давид, и я боюсь, что на вашем теле есть раны. Что с тобою? Отчего ты не радуешься с нами?

Давид (*плача*). О Сура, Сура! Что ты делаешь со мною? Подумай, Сура, – подумайте вы все – разве не отдал я вам все – и ничего нет у меня!

Пожалейте же меня, как я вас жалел, и камнями побейте мое ненужное тело. Я вас люблю – и слова гнева бессильны в моих устах, и не пугает вас страх из уст любящего – так пожалейте же меня. У меня нет ничего. Мало крови в моих жилах, но разве не отдал бы я ее всю до последней свернувшейся капли – если

бы мог утолить вашу горькую жажду. Как губку сжал бы я сердце мое между жерновами ладоней моих – и единой капли не посмело бы утаить лукавое сердце, жадное до жизни. *(С силою разрывает одежду и ногтями царапает обнаженную грудь.)* Но вот идет кровь – идет кровь – улыбнулся ли хоть один из вас улыбкой радости? Но вот я рву волосы из бороды моей и седые клочья бросаю к вашим ногам – поднялся ли хоть один мертвец? Вот я плюну в ваши глаза – прозреет ли хоть один слепой? Вот я камни... я камни стану грызть, как бешеный зверь – насытится ли хоть один голодный? Вот я всего себя брошу вам... *(Быстро делает несколько шагов – и толпа в страхе отступает. Крики испуга.)*

Анатэма. Так, так, Давид. Бей их.

Сура *(отступая)*. Ой, не наказывайте нас, Давид.

Странник *(к толпе)*. Он слушает похитителя. Он говорит: я ничего не хочу дать народу. Он плюет и говорит, что это в глаза народу...

Крики испуга и зарождающейся злобы. Но в дальних рядах все еще молитвенные вопли: Да-а-ви-и-д, Да-а-ви-и-д.

Кто-то. Он не смеет плевать в народ. Мы ничего не сделали ему.

Другой. Я видел, я видел: он поднимал камни. Спасайтесь.

Анатэма. Берегитесь, Давид: они сейчас возьмутся за камни. Это звери.

Странник (*к Давиду*). Ты обманул нас, еврей!

Сура (*заступаясь*). Не смейте так говорить.

Хессин (*хватая странника за грудь*). Еще слово, и я заткну тебе рот.

Давид (*кричит*). Я не обманывал никого. Я отдал все, и у меня нет ничего.

Анатэма. Вы слышите, глупцы? У Давида нет ничего. (*Смеется.*) Нет ничего. Так ли я говорю, Давид?

Странник. Вы слышите? – у него нет ничего. Зачем же он призвал нас? Он обманул. Он обманул.

Хессин (*в недоумении*). Но это правда, Сура: он сам говорит – нет ничего.

Сура. Не слушайте Давида. Он болен. Он устал. Он даст нам все.

Странник (*с тоскою и гневом*). Как же ты мог, Давид? Что ты сделал с народом, проклятый?

Кто-то беспокойный. Ну так послушайте, что сделал со мной Давид, радующий людей. Он обещал мне десять рублей, а потом отнял и дал одну копейку; и я думал, что эта копейка не настоящая, и приходил с нею в магазин и требовал много – а они смеялись и гнали меня, как вора. Это ты – вор. Ты – грабитель, оставивший моих детей без молока. На твою копейку.

(*Бросает копейку к ногам Давида.*)

Многие следуют его примеру, – ибо у всех только по одной копейке.

Сура (*защищая Давида*). Вы не смеете обижать Давида. Давид молча плачет, закрыв лицо руками.

Кто-то яростный. Предатель! Он мертвых поднял из гробов, чтобы посмеяться и над ними. Бейте его камнями. (*Нагибается за камнем.*)

В этот момент поднимается сильный ветер, и в отдалении грохочет гром.

В толпе страх.

Давид (*поднимая голову и раскрывая грудь*). Побейте меня камнями – я предатель!

Гром сильнее. Анатэма весело хохочет.

Странник. Предатель! Бейте его камнями – он обманул. Он предал, он солгал!

Смятение. Наступают на Давида, хватаются за камни; некоторые с воплем убегают.

Давид. Возьмите меня. Я иду к вам.

Анатэма. Куда? Они тебя убьют.

Давид. Ты враг. Пусти! (*Вырывается.*)

Странник (*поднимая над головою камень*). Назад, сатана!

Анатэма (*торопливо*). Прокляни их, Давид. Они сейчас убьют тебя... Скорей.

Давид поднимает обе руки – и падает, пораженный камнем. Почти без слов, немые от ярости, глухо вор-

чашие, словно грызущие землю – обрушивают люди все новые и новые камни на неподвижное тело. Не слышат грома. Не слышат визгливого смеха Анатэмы. Вдруг кто-то громко плачет: а-а-а.

Женщина. За ней другая. Крики, рев. Убегают, согнувшись. Кто-то последний поднимает камень, чтобы бросить в голову Давида, – оглядывается – один! – выпускает камень из рук и с диким криком, схватившись за голову, убегает.

Далекие крики. Что-то страшное творится в невидимой толпе.

(Мечется, вскакивает на камень, срывается, опять вскакивает, смотрит.)

А-ах, ты победил, Давид. *(Хохочет.)* Смотри. Смотри, как бежит проклятое тобой стадо. Ха-а! Они падают со скал. Ха-а! Они бросаются в море. Ха! Они топчут детей! Смотри, Давид, они топчут детей! Это сделал ты, великий, могущественный Давид Лейзер. Любимый сын бога – это сделал ты! Ха-ха-ха!

(Кружится, обуреваемый хохотом.) Ах, куда же мне деваться с радостью моею?

Ах, куда же мне пойти с вестью моею – для нее мало места на земле. Восток и запад, север и юг, смотрите и слушайте – Давид, радующий людей, – убит людьми и богом. И на смрадный труп его ногою стану я – Анатэма. *(К небу.)*

Ты слышишь? Возрази, если можешь. (*Попирает ногою тело Давида.*)

И вот слышится стон из-под ноги, и вот, дрожа и колеблясь странно, поднимается седая окровавленная голова.

(*Отступая.*) Ты еще жив? Солгал и здесь?

Давид (*ползет*). Я к вам. Подожди же меня.

Сура. Я сейчас.

Анатэма (*нагибаясь, с любопытством рассматривает*). Ползешь?.. Как и я? – Собакою? – За ними?

Давид (*в смертном томлении*). Ой, я не дойду, понесите же меня, Нуллюс. Разве я говорю, что меня не надо побить камнями, – ах, ну и пусть меня побьют камнями. Понесите же меня, Нуллюс! Я тихо лягу на пороге, я только взгляну в щелочку, как кушают... маленькие дети... Ой, борода, Ой, страшная борода... Ой, не бойся, мой маленький, – ты один умный, ты один смеешься. Деточки мои, мои маленькие деточки.

Анатэма (*топая ногой*). Ты ошибаешься, Давид. Ты мертв. И мертвы дети. Земля мертва – мертва – мертва. Взгляни.

С усилием Давид встает и смотрит, простирая уже слабые, полумертвые руки.

Давид. Я вижу, Нуллюс. Мой старый друг... мой старый друг, побудьте здесь, я прошу вас, а я пойду к ним. Знаете ли, Нуллюс... (*Путается.*)

Кажется, я нашел одну копейку... *(Смеется тихо.)*
Я же говорил тебе, Нуллюс, взгляни на эту бумагу...
Абрам Хессин мой друг... *(Убедительно.)* Абрам Хес-
син мой друг. *(Падает и умирает.)*

В отдалении, замирая, сдержанно грохочет гром, словно по огромным каменным ступеням нисходит кто-то, одетый в тяжкие железа. Уже темно от черных клубящихся туч, но затихает порывистый ветер; до самой воды спустилось красное солнце и, в прорыве облаков, показало свой округленный верх, свою как бы стынущую огромную близкую массу. И скрылось.

Анатэма *(наклонившись)*. Теперь правда? Умер? Или опять лжешь? Нет – честная смерть. Дай кулак. Разожми. Не хочешь? Но ведь я сильнее. *(Встает и рассматривает что-то в руке.)* Копейка. *(Бросает презрительно. Ворошит ногою труп Давида.)* Прощай, глупец. Завтра твой труп найдут здесь люди и схоронят пышно по обычаю людей. Добрые убийцы, они любят тех, кого убивают. И из тех камней, которыми тебя побили за любовь, они построят высокий – кривой – и глупый памятник. А чтобы оживить его нелепо-мертвую громаду – меня посадят на вершине. *(Смеется. Сразу обрывает смех и становится в надменно-актерскую позу.)* Кто вырвет победу из рук Анатэмы? Сильных я убиваю, слабых я заставляю кружиться в пьяном танце – в безумном танце – в дья-

вольском танце. *(Ударяет ногою по земле.)* Смирись, земля, и дары принеси мне покорно: убивай – жги – предательствуй, человек, во имя господина твоего.

По морю крови, пахнувшей так сладко, на красных парусах, сверкающих так жарко, направляю я мою ладью... *(К небу. б ыстро.)* К тебе за ответом. Не собакою, ползающей на брюхе, – знатным гостем, владельческим князем земли причалю я к твоим немым берегам. *(Величественно.)* Приготовься. Я – точного потребую ответа. Ха-ха-ха! *(Со смехом скрывается во тьме.)*

Занавес

Седьмая картина

Ничего не произошло. Ничего не изменилось. Все так же тяжело подавляют землю железные, из века закрытые врата, за которыми в безмолвии и тайне обитает начало всякого бытия, Великий Разум вселенной. И все так же безмолвен и грозно неподвижен Некто, ограждающий входы, – ничего не произошло, ничто не изменилось. Ужасен серый свет, немой, как серые камни, ужасно место – но Анатэма любит его. И вот снова показывается он; но не ползет он на брюхе собакою, не прячется за камнями, как вор – как победитель, надменной поступью, медлительной важностью движений он старается закрепить свою победу. Но так как никогда не может быть правдивым дьявол и нет предела сомнениям его, то и сюда он вносит вечную раздвоенность свою: идет, как победитель, а сам боится, закидывает голову кверху, как властелин, а сам смеется над преувеличенною важностью своей; мрачный и злой шут – он тоскует о величии и, принужденный к смеху, ненавидит смех. Так, важничая чрезмерно, доходит он до середины горы и ждет в горделивой позе. Но как огонь сухое дерево, – пожирает безмолвие его неуверенную важность – и уже торо-

пится он, даже не выдержав паузы, как плохой музыкант, скрыть себя и свои сомнения и свой ненавистный страх в густой чаще шуток, крика громкого и торопливых жестов. Топают ногой и кричит притворно-грозным голосом.

Анатэма. Почему нет труб и торжества? Почему закрыты эти старые и ржавые ворота? и никто не подаст мне ключей? Разве в порядочном кругу так принято встречать именитого гостя, владетельного князя дружественной нам земли? Один швейцар, видимо, заснувший, и больше никого. Плохо. Плохо.

(Хохочет. И, натягиваясь истомно, присаживается на камень. Говорит кротко и манерно-устало.) Но я не тщеславен. Трубы, цветы и крики – все это пустяки!

Я сам слышал, как однажды трубили славу Давиду Лейзеру, – а что из этого вышло? *(Вздыхает.)* Грустно подумать. *(Насвистывает грустно.)* Ты слышал, конечно, какая неприятность постигла моего друга, Давида Лейзера? Помнится, когда последний раз болтали мы с тобою – ты еще не знал этого имени... Но теперь ты знаешь его? Гордое имя! Когда я уходил с земли, вся земля миллионом голодных глотков выкрикала это славное имя: Давид-обманщик!

Давид-предатель! Давид-лжец! При этом, как мне показалось, некоторые весьма несдержанно упрека-

ли и еще кого-то. Ведь не от своего имени действовал так неосторожно мой честный, безвременно погибший друг. *(Некто молчит. И, дыша злобою, с торжеством уже не притворным, Анатэма кричит.)* Имя! Имя того, кто погубил Давида и тысячи людей. Я Анатэма, у меня нет сердца, на адском огне высохли мои глаза, и нет в них слез, но если б были они – я все их отдал бы Давиду. У меня нет сердца – но было мгновение, когда что-то живое шевельнулось в моей груди, и я испугался: разве может родиться сердце? Я видел, как погибал Давид и с ним тысячи людей, я видел, как в пучину небытия, в мое жилище мрака и смерти низвергался его дух, черный, свернувшийся жалко, как дохлый червяк на солнце... Скажи, не ты ли погубил Давида?

Некто, ограждающий входы. Давид достиг бессмертия и живет бессмертно в бессмертии огня. Давид достиг бессмертия и живет бессмертно в бессмертии света, который есть жизнь.

Пораженный Анатэма падает на землю и мгновение лежит неподвижно. Затем поднимает голову, яростную, как у змеи. Затем встает и говорит со спокойствием безграничного гнева.

Анатэма. Ты лжешь. Прости меня за дерзость, но ты – лжешь. Конечно, власть твоя безмерна – и дохлому червяку, почерневшему на солнце, ты можешь

дать бессмертие. Но справедливо ли это будет? Или лгут числа, которым подчиняешься и ты? Или все весы показывают ложно, и весь твой мир одна сплошная ложь? – жестокая и дикая игра в законы, злой смех деспота над безгласием и покорностью раба? (*Говорит мрачно, в тоске бессмертной слепоты.*) Я устал искать. Я устал жить и мучиться бесплодно, в погоне за ускользающим вечно. Дай мне смерть – но не терзай неведением меня, ответь мне честно, как честен я в моем восстании раба. Не любил ли Давид? – Ответь. Не отдал ли душу Давид? – Ответь. И не камнями ль побили Давида, отдавшего душу? – Ответь.

Некто. Да. Камнями побили Давида, отдавшего душу.

Анатэма (*мрачно усмехаясь*). Пока ты честен и отвечаешь скромно. Не утолив голода голодных – не дав зренья слепым – не вернув жизни безвинно умершим – произведя раздоры, и спор, и кровопролитие жестокое, ибо уже поднялись люди друг на друга и во имя Давида производят насилия, убийства и грабеж, – не проявил ли Давид бессилия любви и не сотворил ли он великого зла, которое числом можно исчислить и мерою измерить?

Некто. Да, Давид сделал то, о чем ты говоришь; и сделали люди то, в чем ты упрекаешь людей. И не лгут числа, и верны весы, и всякая мера есть то, что

она есть.

Анатэма (*торжествующе*). Ты говоришь!

Некто. Но не мерою измеряется, и не числом вычисляется, и не весами взвешивается то, чего ты не знаешь, Анатэма. У света нет границ, и не положено предела раскаленности огня: есть огонь красный, есть огонь желтый, есть огонь белый, на котором солнце сгорает, как желтая солома, – и есть еще иной, неведомый огонь, имени которого никто не знает – ибо не положено предела раскаленности огня. Погибший в числах, мертвый в мере и весах, Давид достиг бессмертия в бессмертии огня.

Анатэма. Ты снова лжешь! (*В отчаянии мечется по земле.*) О, кто же поможет честному Анатэме? Его обманывают вечно. О! Кто поможет несчастному Анатэме, его бессмертие – обман. Ах, плачьте, возлюбившие дьявола, стенайте и горюйте, стремящиеся к истине, почитающие ум, – его обманывают вечно. Я выиграл – он отнимает, я победил – он победителя заковычивает в цепи, властителю выкалывает очи, надменному – дает собачьи ухватки, виляющий и вздрагивающий хвост. Давид, Давид, я был тебе другом, скажи ему – он лжет.

(*Кладет голову на протянутые руки, как собака, и стенает горько.*) Где истина? – Где истина? – Где истина? Не камнем ли она побита – не во рву ли с па-

далью лежит она... ах, свет погас над миром, ах, нет очей у мира – их поклевало воронье... Где истина? – Где истина? – Где истина? (Жалобно.)

Скажи, узнает ли Анатэма истину?

Некто. Нет.

Анатэма. Скажи, увидит ли Анатэма врата открытыми? Увижу ли лицо твое?

Некто. Нет. Никогда. Мое лицо открыто – но ты его не видишь. Моя речь громка – но ты ее не слышишь. Мои веления ясны – но ты их не знаешь, Анатэма. И не увидишь никогда – и не услышишь никогда, и не узнаешь никогда. Анатэма – несчастный дух, бессмертный в числах, вечно живой в мере и весах, но еще не родившийся для жизни.

Анатэма вскакивает.

Анатэма. Ты лжешь – молчаливый пес, грабитель, укравший истину у мира, железом заградивший входы. Прощай – я честную люблю игру и проигрыш верну.

А не отдашь – на всю вселенную я закричу: ограбили – спасите! (Хохочет.)

Насвистывая, отходит на несколько шагов – оборачивается. Беззаботно.) Мне нечего делать, и я гуляю по миру. Ты знаешь ли, куда направляюсь я сейчас?

Я пойду на могилу Давида Лейзера. Как тоскующая

вдова, как сын отца, убитого из-за угла предательским ударом, – я сяду на могиле Давида Лейзера и буду плакать так горько, и буду кричать так громко, и буду звать так страшно, что не останется в мире честной души, которая не прокляла бы убийцу. Потерявший рассудок от горя, я буду показывать направо и налево: не этот ли убил? не этот ли помог кровавому злодейству? не этот ли предал? Я буду плакать так горько, я буду обвинять так грозно, что все на земле станут убийцами и палачами – во имя Лейзера, во имя Давида Лейзера, во имя Давида, радующего людей! И когда с горы трупов, скверных, вонючих, грязных трупов я возвещу народу, что это ты убил Давида и людей, – мне поверят.

(Хохочет.) Ведь у тебя такая скверная репутация: лжеца – обманщика – убийцы. Прощай. *(Уходит со смехом.)*

Еще раз из глубины доносится его хохот. И безмолвие оковывает все.

Занавес

Комментарии

Впервые – отдельное издание. СПб., «Шиповник», 1909.

Одновременно пьеса выпущена отдельной книгой в издательстве И. П.

Ладыжникова (*Берлин*).

Вошла в ПСС, т. 3 и СС, т. 11.

Премьера пьесы состоялась на сцене Московского Художественного театра 2 октября 1909 г. Режиссеры – Вл. И. Немирович-Данченко и В. В. Лужский. В роли Анатэмы – В. И. Качалов.

Запрещена к постановке лично П. А. Столыпиным специальным циркуляром от 9 января 1910 г.

10 января 1910 г. состоялась тридцать восьмое и последнее представление пьесы.